

**МЫ ЗНАЕМ, ЧТО НЫНЕ
ЛЕЖИТ НА ВЕСАХ И ЧТО
СОВЕРШАЕТСЯ НЫНЕ...**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВРЕМЯ

3 (39) 2026

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 3 (39) 2026

Бостон • 2026 • Boston

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Марина Тюрина Оберландер

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Deputy EDITOR-IN CHIEF: Marina Tyurina-Oberlander

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
МИХАИЛ МИНАЕВ	(США)
АЛЕКСЕЙ НИКИТИН	(УКРАИНА)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2026 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For obtaining permission to reproduce selections from this publication
email or call to the Publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778
or Editor-in-Chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ-2026

Дорогие читатели!

Как и прежде, наш журнал выходит 4 раза в год примерно в середине первого месяца каждого квартала. Печатный номер журнала рассылается подписчикам непосредственно из типографии. С 2024 года журнал выпускается также и в электронном виде (формат PDF), рассылаемый подписчикам этой версии по электронной почте. Также напоминаем, что с 2025 года полную версию выпусков могут читать только подписчики журнала. Все остальные смогут ознакомиться на сайте только с содержанием журнала и короткими отрывками из некоторых его материалов.

Подробная информация о подписке и вариантах оплаты печатного и электронного выпусков номеров — в разделе «Подписка» на сайте нашего журнала

vremena.mgraphics-books.com/subscription

В июле текущего года бостонскому издательству **М·GRAPHICS** исполняется 25 лет!

За прошедшие годы М·GRAPHICS подготовил и выпустил в свет более 450 книг: мемуары и воспоминания, публицистику и книги для детей, книги по искусству, поэзию и прозу русскоязычных авторов-эмигрантов, проживающих в США, Канаде, Израиле и других странах, издает литературно-художественный журнал «Времена».

Поздравляем юбиляра и его бессменного руководителя Михаила Минаева с пожеланиями долгой творческой жизни!

редакция журнала «Времена»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Андрей БЕЛОЗЁРОВ	
ПРИЗРАК ИМПЕРИИ	6
Эмилия ПЕСОЧИНА	
ЖЕНЩИНА В СУМЕРКАХ	36
Александр КАРО	
ТАИНСТВЕННЫЙ ЗОВ	58
Грег Блейк МИЛЛЕР	
«ЭФФЕКТ КУЛЕШОВА» (ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)	75
Раиса СИЛЬВЕР	
ДВЕ НОВЕЛЛЫ	125

ПОЭЗИЯ

Павло РЫЦАРЬ	28
Галина ИЦКОВИЧ	68
Николай ЛОБАНОВ	99
Илья КОРМАН	112
Михаил ФЕЛЬДМАН	190
Татьяна КЛИОРИНА	201

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Нина АБРАМОВИЧ	
ДОМ ДЛЯ МАГДАЛЕНЫ (ОКОНЧАНИЕ)	135

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Владимир ЩИРОВСКИЙ

ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЙ АРХИВ. 208

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Леонид ГОЛЬДИН

ВЛАДЫКИ РАЗУМА, ИЗГОИ ВРЕМЕНИ 219

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Глеб МОРЕВ **ИОСИФ БРОДСКИЙ: ГОДЫ В СССР** 230

Геннадий КАЦОВ **ПОЭТЫ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА** 242

ДАТЫ

Ксения ГАМАРНИК

МИРЫ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА 248

ПЕРЕВОДЫ

Пауль ЦЕЛАН

СТИХИ В ПЕРЕВОДЕ МАРКА БЕЛОРУСЦА. 266

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Эльвира ФАГЕЛЬ

БЕЗ РОДНЫХ МОГИЛ 275

Павел ПАНИН

SMOKE ON THE WATER 285

Андрей БЕЛОЗЁРОВ

ПРИЗРАК ИМПЕРИИ

01.01.2025. Свершилось. То, чего все так боялись. Пусть и не война Вторая Приднестровская, но столь же ситуация шоковая, хотя и без снарядов на головы обходится нынче. Коллапс энергетический. Прекращение поставок газа дармового из России в анклав под названием ПМР. Как следствие, отключение отопления и электричества, ведь для запуска электростанций требуется опять-таки газ. Закрылись школы. Стоят фабрики и заводы. Задержка выплат зарплат и пенсий. И всё это на фоне войны в Украине соседней и при угрозе неуклонной возгорания конфликта вооружённого (после заморозки тридцатилетней) в Молдове. Хоть караул кричи. Ни местные СМИ, ни центральные ничего не объясняют толком, схиная вину то на Украину, перекрывшую транзит газа страны-агрессора, развязавшей войну полномасштабную на территории своей, то на Молдову, задолжавшую «Газпрому», то на Европу, требующую смены формата миротворческого и вывода войск РФ из ПМР. Пропагандоны кремлёвские изошли слюной, пророча Молдове сгинуть с лица земли за её «политику алармистскую». Как сие понимать? «Буками», «Тополями» и «Орешниками» Россия выжжет кромешно «нациков» Молдовы? И неужто в аду том республике на Днестре устоять? Всё смешалось в доме Облонских. Тупики. Остаётся лишь в церквах лоб отбивать в мольбах о спасении, к спиритизму прибегать, у духов справляясь о грядущем, или к Оракулам обращаться за знанием непреложным, благо и ими полнится Земля Приднестровская.

...**М**ы сбросили рюкзаки и уселись на бревно диаметра циклопического, как пить дать — болванку для лодки-долблёнки, на которых лет триста назад казаки-запорожцы прибывали для штурма Крепости Бендерской, твердыни турецкой. Каким макаром бревно оказалось в туннеле подземном, бог весть. Фонарь вышел

из строя ещё в начале пути; шли по наитию, гуськом, ударяя прутами стальными о стены, как слепые. Я перепроверил диктофон, а провожатый, отдышавшись, взялся за сигарету, высвечивая зажигалкой своды подземелья средневекового. Выпустив дым на пламя (не затушив его), он скосил скептически на меня взгляд. Цель визита нашего в Крепость Нижнюю, близ русла Днестра, была не совсем внятной, даже двусмысленной: сталкер опасался подставы. Однако всё было вполне благо-чинно: никаких звуков подозрительных, из кладки каменной сочилась методично вода, потом вода куда-то отводилась, было тепло, не в сравнение с холодом квартир в период блокады газовой, где пар изо рта шёл и питомцы четвероногие дрожмя дрожали. Прямо у затылка Игорька обнаружились, трепеща под огнём зажигалки, надписи разномастные по известняку древнему, все как один в букете изъяснения исторического: «Вася и Лена — комсомольцы, были тут! — 01.01.1965 г.», «Ион Сырбу погиб здесь, сражаясь против Румынии Королевской! — 1940, 5 марта»...

— Мы его не увидим всё равно! Галерея вот-вот упрётся в завал, будем выходить через пробоину в ярусе среднем! — изрёк Игорёк на вопрос мой относительно света долгожданного в конце туннеля. — Луна стареющая, хе-хе, — какой свет от неё? Убыток только... — и дыхнул на огонь, не объясняя смысл фразы последней. Я ощупал прут, готовясь к тьме.

Ан мрак не наступил. Какие-то организмы мелкие, сродни слизнякам, облепившие там и сям кладку, аккумулялировали свет от зажигалки и теперь источали его. Секунд шесть-семь длилась феерия эта с затуханием мягким и вновь возгоранием. Волнами рябь световая обзор выстилала, вплоть до различения на стенах вязи арабской.

— Ого, да тут паноптикум целый график!.. — проговорил потрясённо я.

— Да уж! — отозвался Игорёк, петляющий по зигзагам наущений. — В Гугле я справлялся об улитках этих... Их и турки относили к тварям, причастным Свету Высшему.

Игорёк и ещё затянулся сигаретой, а я считал в лице его при свете тухнущем оскал озабоченности — за жизнь свою в частности, за жизнь моллюсков этих, ну и, конечно, за жизнь клиента, кого он и завёл сюда: ведь посещение несанкционированное подземелий крепости старинной каралось по законам пэмээровским, якобы во избежание травм при обрушении сводов; кроме того, затеряться и сгинуть в лабиринтах, устроенных за века правления оттоманского и до сих не изученных учёными, не составляло труда для искателей стихийных сокровищ — кареты золотой гетмана Мазепы, который после поражения под Полтавой нашёл приют под стенами крепости Бендерской в лагере короля шведского Карла XII. Десятки уж свернули шеи здесь. А винули во всём сталкеров.

— Вы с диктофоном сюда? — спросил Игорёк. — Я думал, по крайней мере... — но осёкся: — Техника тут не пашет. Тем паче, цифровая. Ничто не способно запечатлеть феномен наш... Убытки одни!

— Вы и впрямь, Игорь, решили, что я буду Призрака интервьюировать? — вопросом на вопрос ответил я; и добавил, разъяснив: — Это для себя я диктофон.

Я приврал. Слишком он себя возомнил сталкером из фильма: водит в места заповедные, в которые при желании клиенты и сами могли бы попасть, прояви смекалку, благо при задержании первом с тебя и штрафа не возьмут... Короче, диктофон у меня для целей иных, нежели пригрезиться могло поводырю охочих «за таинственным и неизведанным» в нижний ярус, кто, вооружившись фото- и видеоаппаратурой, тепло-визорами и счётчиками Гейгера, спускался с ним в подземелья с целью лицезреть Призрака, о ком проспекты рекламные гласили, завлекая туристов из Румынии, Молдовы и Украины в ярус верхний, официальный. Ещё бы, скрестить аспект политический (ПМР — обломок Империи Совка, в поле интереса общественного) с метафизикой, провести параллель историческую, закрутить и закруглить, породив *отсыл*, увидев то, что никто и не пытался увидеть, заглянуть в бездны и поманить туда тех, кто не утруждает себя рефлексией, — чем не забава, когда власть только и алчет замутнить реалии, поставив их на службу пропаганде?!

Итак, Призрак крепости нашей. Знаменитость, «фишка» турагентств. Со слов очевидцев представляет зрелище внушительное. Дева в одеждах длинных с младенцем — возникает в полночь на фоне Ворот Водных; пометавшись над ретраншементами, взмывает к Цитадели, увеличивая масштабность свою в разы; затем она входит в штопор и уносится туда, откуда и явилась, — к Воротам Водным. Так еженощно! Предание о ней гласит: жена воеводы молдавского (или гетмана украинского — для туристов из Украины; ведь запорожцы частенько осаждали крепость), попавшая с ребёнком в плен к туркам, улучив момент, вошла в воды седые Днестра и утопилась, предпочтя смерть жизни в гареме у наместника. Легенда сия настолько вошла в бессознательное горожан, настолько переплелась с устоями и суесловием, что, когда инцидент в несколько варианте изменённом повторён был в дни наши — никто по счёту большому не удивился, узрев в том рок! Когда сотрясались земля и небо в лето-1992, беженка из Бендер с грудничком на руках, преодолев мытарства осады, объявляется без средств к существованию в черноморской зоне рекреационной, куда и стекались беженцы приднестровские. Тираспольчане, не нюхнувшие гари войны, в отличие от бендерчан (коим коридор беженский дали позже), хозяйничали на побережье, рас-

поряжаясь койко-местами и помощью гуманитарной. К молодке с младенцем отнеслись холодно — не поверили, что документы и деньги у неё сгорели; гнали её от одной базы отдыха к другой... Утратив надежду на сочувствие, она вошла в воды морские, как и её прототип из бессознательного народного, — и утопилась — с сыном.

...Игорёк, сталкер тёртый, вёл меня в подземельях в темноте крошечной, — в приюте оголтелом мышей летучих, то и дело обмахивающих лбы нам. Проводник на это внимания не обращал. Интерес для «бездн провожатого» — бездны сопредельные — ответвления от коридора стоволового, им он вёл по ходу счёт, внюхиваясь и вслушиваясь, слева и справа, словно вторжения вражьего ожидая. А из ответвлений тех прямо-таки веяло «массами Времени спрессованного», фатум запечатал их под землю и вот теперь они бушевали здесь — параллельно миру современному, вызывая. А что «мир современный» — так ли уж *иной*? Взять хотя бы сепаратизм наш доморощенный, чем не стремление элит ввергнуть общество в раздробленность феодальную: разделять и властвовать, держа население в страхе постоянном войны; и прочие акции устрашения предпринимать, оставляя, к примеру, обитателей многоэтажек городских без газа, света и воды? Ведь по-настоящему «Новое» — требует от нас единой же «глобальной» системы ценностей общежития мирового, включая энергетику и экономику, и мораль. Сталкер Игорёк — как он себя и отрекомендовал при встрече — водил бы людей Эры Новой не в зону к Призраку, а как гид легитимный в Центр научный «Души Мировой», разлитой всюду и не знающей начала сдерживающего... Он и сейчас нарасхват среди адептов досуга экстремального, услугами его пользуются даже структуры властные, не говоря о таких, как я, избравших цель смутную; и им (таким, как я) потребно будет также до скончания веков всё неизведанное, чтобы не затеряться во мраке дня нынешнего... И вот я, такой деликатный, объявлю ему, Игорьку, уже давшему мне ощутить важность собственную, что вовсе не из-за Призрака Крепости шагаю я след в след за ним, дышу пылко ему в затылок, и никакой я не собиратель приключений inferнальных, что не он для меня, а я для него — человек-загадка!

Минут сорок хода с проводником на глубине десятка два метров и — конечная — берег правый Днестра; оказаться здесь можно только пройдя *огонь, воду и трубы медные* (а применительно к ситуации кризиса газового в ПМР: *мороз, лёд и трубу нетолчённую бед*, погнавшие взащей меня из квартиры, стужей веющей) — через галерею узкую, минуя кордоны... Перед нами открылся, наконец, курдонер — дворик, замкну-

тый со сторон всех казармами бывшими, отмеченный густо солдатами нынешними из части сопредельной, а может, сталкерами и клиентурой их. Ещё десяток метров лавирования среди экскрементов свежести различной, карабканья на стену, соскока с бойницы обрушенной, спуска по склону крутому, — и вот мы на плацу у Ворот Водных под Цитаделью. Из-под Арки Ворот сих и выходит Дева, и я, если желаю обзора, обязан озаботиться дислокацией: дабы луна не слепила глаз, иначе убытки одни!.. Сталкер, отрабатывая гонорар, был не в меру услужлив перед лохом-клиентом. Даю голову на отсечение, что в природу Призрака, так называемого, Игорёк, как и я, не верил.

— А Привидение обязательно явится? — выказал мнимо интерес я; до полуночи оставалось четверть часа, морозец уже хватал за щёки и нос; я ощупал рюкзак, пока сталкер вершил приготовления характера ритуального: пальцами задубевшими гайки тяжёлые бинтами повязывал. — Насколько мне известно, все эти Призраки — рассказы бабьи, их запустили служки государевы ещё при царе Горохе, чтобы хоть какую-то сцепку обозначить с бессознательным коллективным, оправдав формат захватнический свой: «Империя Османов — плохо, а Империя Российская — хорошо!..» И сейчас — тот же расклад. А на поверку получается: что та империя, что эта — один чёрт... — Пробую я Игорька подвинуть на дебаты.

— Зачем же шли, если не верите? Согрейтесь, ботинки истоптать? Так это ж — убытки одни... — Игорёк, уставившись в небо, изобразил недоумение. — Я же вас вводил в суть: Душа Мировая отсылает на землю тех, кто ещё чем-то может послужить... — заговорил быстро он, но и опять взялся за гайки, замолк. А я опять отмечал в проводнике связь с образом киношным. Даже и повадки *те самые* обнаружили (с поволокой обиды на всё и вся), и манера одеваться, как меня осенило при свете луны: кожанка потёртая, свитер вязки крупной, джинсы-клёш, ботинки грубые, — всё это было содрано, что по кальке, с Кайдановского. Причёска, правда, другая, но недолго и оголиться черепом под машинку, и «перо» на виске вытравить в угоду публике: эталон-де, сошедший с экрана, способный и о Душе Мировой что-то клекотать, почерпнув в Гугле, дабы не просто копировать черты типовые, но и привнести *нечто* в бытие эпигонское...

От персоны же своей я гнал устойчиво ассоциации сходства типажного с персонажем-писателем из фильма элитарного. Хотя и философствовал, ставя под сомнение всё и вся: жизнь нашу убогую и сепаратизм, что никак жизнь эту не улучшает, несмотря на обещания лидеров о Швейцарии на Днестре (ан всё больше на Гондурас смахивает респуб-

лика наша!). И Игорьку почему-то постоянно хотелось надавать по мордам! Что-то в облике его обидчивом, в манере говорить и бежать рассуждений на злобу дня протест вызывало во мне. Сталкер, не спаянный с промыслом в борениях и брожениях — в противостоянии власти, — а прилепившийся к статье доходной по причине, что погреб домишка его в ядре историческом Бендер сообщался с галереей подземной, ведущей в крепость... Уж я-то Писателем себя зрю с момента базового, от рождения, этакий экзистенциалист-почвенник: перепахиваю поля смысловые, достучаться пытаюсь до каждого; а вот он сталкера в себе обнаружил не по алчбе глаза всем раскрыть, а потому, что это модно сейчас — водить людей к Призраку, поучать, цитируя «историков» синепогонных, а также из оккультного, соответствуя при этом и образу, актёром именитым обихоженному: смесь этакая сверхчеловеческого и помешательства тихого.

— Почему вы углубились в эзотерику, Игорь, чего вам недостаёт? — спросил я, когда он закончил с приготовлениями к ритуалу и объявил, что до появления «тени отца Гамлета» осталось пять минут.

Я угнездился в ложбине, уготовленной для клиентов за грядой валунов, выложенных полукругом; огляделся и запрокинул голову. Мне раскрылся вид потрясающий: глыба Цитадели на основании скальном будто валилась на меня с экрана кинотеатра в проекции 3-D. Голова закружилась; рюкзак перевесил — и я опрокинулся навзничь, подтверждая тезис о зыбкости мироздания. Спайка мощная Творения рукотворного и ландшафта сразили! Таки не всё удалось убить в Памятнике, внесённом некогда в список ЮНЕСКО, горе-реставраторам в погонах, лепившим новодел на камни древние, отчего Крепость Верхняя стала похожа на парк аттракционов, а Цитадель — таверна при парке том...

Игорёк с ответом не спешил: зритель расселся по местам, согласно билетам купленным. И всё же он ответил из закуты своей, понизив голос:

— А это вы сейчас и узнаете! — сказал загадочно он. — Клиентам моим потребно внятное в обиходе: как мужа вернуть от любовницы, как сына или дочь спасти от наркоты, как самим не сгинуть под гнётом превратностей житейских... Не ставлю я цель открыть кому-то глаза, — и мир, и глаза открываются в зависимости от ситуации, как сейчас у нас с вами и случится, — а ставлю я дня повесткой: *узреть то*, что выпрямляет пути к Душе Мировой, которая и тасует нас, единицы, по законам своим...

И вот мы увидели воочию *то самое*, ради чего, презрев комфорт квартирный у ящиков вещательных, сигают соискатели в ночь крошечную. Чудо, явленное с Небес или манипулятивное, но равных в пре-

ломлениях своих не находящее досель у нас! Я, например, в отличие от прочих клиентов Игорька, увидел то, к чему готовился давно, в поход снаряжаясь. Хотя субъект интереса моего (подчеркну, субъект, а не Призрак, который — объект!) волновал меня давно, уж не припомню, когда я решил искать встречи с ним, да всё не доводилось по причине слухов туманных о персоне одиозной, а также способов подобраться к ускользающему вечно. И вот встал я на след, обзаведясь проводником по местам сим в качестве прикрытия.

Я выхватил диктофон из-за пазухи и включил.

Уже не обращая внимания на Призрака, о коем шипел поодаль как гусь Игорёк смятенный, тыча в *нечто* прямо по курсу и потрясая гайками с бинтами, надетыми на пальцы: «Смотрите, смотрите, вот же Она! Восходит из Ворот Водных! Говорите громче желание своё!..» Я вскочил, перепрыгнул валуны оградительные и побежал туда, где у обреза стены бастиона, близ пандуса, ведущего к Днестру, прыгало на месте и руками махало (желая забрать внимание моё) существо, голое совершенно. Лицо *Его* обрамляли лохмы волос и борода, как у Робинзона Крузо; был Он вовсе не коренаст, как представлялось, а высок и худощав. К нему я шёл ходами подземными и наущениями, что встреча с ним находится в сцепке с Призраком Крепости: когда появляется Дева, появляется и Он. Но клиентура Игорька *Им* не интересовалась, считая фактором побочным. Меня же интриговал только Он. Глядя на голого, мне стало о-го-го как жарко в куртке дутой и в шапке!

Я ринулся сквозь буераки и завалы камня битого, игнорируя Игорька. Завязалась погоня с царапаньем рук и лица о заросли бурьяна. Человек голый, держащий явно дистанцию, чтобы я не отстал, чувствовал себя здесь как рыба в воде, вернее, как козёл горный. Скакал босоногий, что при копытах, по камней крошеву; карабкался по стен отвесам, сверкая пятками и ягодицами, пока я продирался сквозь буераки... Он ни разу не глянул в сторону Игорька. И мне, отмечу, на сталкера и его Чудо зазёвывать, презрев интерес к персонажу на краю пропасти, не доставляло улады...

Итак, раскроем карты. Робинзон наш являлся офицером Армии России, вставшей на защиту ПМР в лето-1992 (хорошенькая защита: расстояние от Тирасполя левобережного до Бендер правобережных — 6 км, а помощь пришла лишь через 2.5 месяца!). Коновалов Николай — спецназовец-подрывник, комиссованный по причине контузии и расстройства посттравматического; он же — Оракул поневоле... После войны не пожелал возвращаться в Россию, а ушёл в штольни Крепости старинной, из Ворот Водных которой, как утверждают СМИ, а также сталкеры,

сопровождающие под покровом ночи сюда, и появляется Призрак в виде Девы с ребёнком на руках. Засекреченный объект оборонный, Крепость испокон находилась в ведении военных, однако в Цитадель в бытность мою мальчишескую можно было пробраться, имея норов авантюрный, но картина представлялась плачевная — здесь гуляли ветра, царила разруха. Подземная же часть хранила тайны в виде первозданном и для археологов, и для искателей сокровищ; туннели её (по которым мы с Игорьком и вышли) связывали гарнизон турецкий с Каушанами, Ставкой административной наместников Империи Оттоманов в Бессарабии (а Кишинёва, как города, и не было тогда, — деревушка, приют дарующая гайдукам в их борьбе нелёгкой с басурманами); а вообще-то ходы подземные лучами расходились от цитадели во все стороны, сказывали, что и лазы есть прямиком в катакомбы одесские!

В лабиринтах этих, сокрытых от глаз, обитал уже свыше тридцати лет майор, неуловимый для ищеек республики самопровозглашённой, признавших его умственно и душевно ущербным. Сердца горячие и головы холодные, заварившие кашу идеологическую на Днестре, выследить майора не могли по причине его спецподготовки: все подходы к логовищам его были прикрыты системой ловушек. Таинственный и неуловимый, он будоражил воображение корреспондентов (в погонах и без погон), а также туристов не менее, чем Призрак дамочки. Искатели же чудес мольбы свои воссылали Мадонне, Его не замечая. А он проявлялся воочию лишь для тех, кто желал обрести информацию, по сравнению с которой *всё*, что может дать Дева («желаний исполнение») было нестоящее. Слыл за Оракула, дававшего в форме непререкаемой ответы на вопросы любые, особенно в деле войны, которая подступала уж со сторон всех. Но и из себя тоже нужно было являть — не только въедливость туристическую с апломбом запросов конспирологических. Он должен был убедиться, что вы не «засланец» от ГБ. Потому и уводил к себе (за собой) тех, кто отвернулся от Девы, распознав в ней спецэффект... И вот ещё. Сталкер Игорёк заподозрил меня сразу, как только я диктофон обнаружил при свете зажигалки его. Нет, мы про Коновалова не упоминали всуе, но проводник уверился, что интерес мой к Призраку — *не тот интерес*, с коим бегут желания загадывать, оговаривая со сталкером и правила поведения при *контакте*, и набор просьб, которые надо озвучить, пока Дева «идёт в рост», пока не свернулась в точку. В общем, Игорёк ждал от меня *чего-то* — и дождался.

А майор всё петлял среди валунов и глыб, выпавших из кладки древней, под которыми сложили головы тысячи казаков вольных и солдат русских (и, несмотря на жертвы, сдавали не единожды по сговору поли-

тическому царедворцы «орешек» обратно туркам). Задыхаясь, я застопорил и крикнул:

— Коля, стой, я не крыса конторская, я хочу говорить с тобой! — пароль, им снабдили меня сведущие при обращении к Оракулу.

Слова мои вселили уверенность в него. Пропетляв немного среди зарослей бурьяна сухого, он уселся на обломок стены, позволяя мне приблизиться. Здесь у него как раз и одежда припасена; он натянул галифе, а потом и гимнастёрку без погон, и берцы. Выглядел вменяемым, тогда зачем погоня, зачем эксгибиционизм? Угадав мысли мои, он проговорил:

— Это моцион еженощный. Искупаться в Днестре, потом обсохнуть, потом встретить кого-то из вас, ха-ха-ха!..

Он уже стоял в рост полный на краю стены, с которой излучина Днестра как на ладони; я же ещё одышку не преодолел, курить бросил недавно. Игорёк откуда-то кричал: «Голову себе расшибёте! Сказали бы, что вам сумасброд этот нужен, я бы вас сразу — к нему... Убытки одни с клиентами такими!..» Но я игнорировал зов. Уже много месяцев я добирал в намерении встречи с отшельником. Он даже являлся мне по ночам то в облике старца, то юноши гуттаперчевого, то крепышом в мундире генерала-власовца...

Лицо майора, поросшее густо бородой (схимник-монах, да и только!), также выражало интерес к персоне моей.

— Что ж, пойдёмте, поговорим, — он жестом указал направление; нам предстояло спускаться в штольни. — Не робейте, изымать вас из социума, держа на цепи, резона нет!

Всё вершилось по-военному слаженно и веско, — и я последовал за ним, выразив лишь сомнение по поводу Игорька: поднимет, мол, переполох, ища меня. Николай же уверил: «Все сталкеры — стукачи. Тревогу он бить будет, но только в себе — что не дешифровал для них цели ваши загодя!..»

Всё это я уже писал на диктофон, пока мы шли по туннелям, освещаемым фонарём судовым; в отличие от фонаря Игорька, был он в исправности и в руках цепких. Николай согласился на интервью. Он даже иронизировал на счёт сей, опираясь о своды замшелые при предышке моей очередной:

— Вы, конечно, внушить норовите, что сами не агент ГБ, ха-ха, диктофон не камуфлирует, как бы играя на опережение. И ставки повышаются из-за искренности вашей: делай, мол, служивый, что хочешь, но душу излей — о беспределе, что наворотили за годы, выпустив из бутылки джинна Раскола и Войны гибридной; яви в чём прозрел ты; пройдишь и по персонам!.. Кстати, — он обернулся, слепя меня фонарём, — в слу-

чае облавы ищейки собьются со следа, гадая, где именно я нахожусь! А ставок, укомплектованных мною по полной, в коих я отсидеться могу и во время войны атомной, много. Мы идём в одну из них. Здесь удобнее будет, чем на пленэре.

И вот пред нами разверзлась пещера Аладдина. Не в том смысле, что завалена золотом и камнями драгоценными, включая оружие булатное и упряжь конскую, — предмет вожделения копателей чёрных. А в смысле, что оружие в смазке, готовое к бою, было представлено здесь во всю свою поражающую и эрогенную (тоже явную) мощь. Автоматы, гранатомёты, ящики с патронами, оружие холодное — колющее, ударное (луки, топоры и сабли), — как на выставке вдоль стен и на стенах кладки древней. И даже служили подпорками для мебели самодельной. Так, несколько стволов пулемётных, сцепленных друг с другом и с копьями, образовывали каркас для кресла-люльки, и гибридов этих оказалось два — по обе стороны от «стола», ящика из-под снарядов. Мне предложен был один из «шезлонгов».

— Располагайтесь! — скомандовал Николай, прилаживая фонарь на крюк под низкий свод потолочный.

Прежде чем сесть, я достал из рюкзака и выставил на «стол» водку.

— Желаете поскорее пробить оборону психологическую?! — он с ухмылкой на презент мой. — Тогда и я не отстану от вас!

Он покопался в одном из ящиков и выставил бутылку пузатую рома.

— Видать, туннели эти сообщаются с кабачком «Старый бастион»?

— Есть такое! — ощерился радушно он.

По мановению на столе явились и два стакана гранёных. Хозяин упал на такой же «шезлонг», и тот не дрогнул под напором (стойкость конструкции!). Мы хлопнули по «рюмашке». Я отметил про себя, что Николай ум свой переключил за годы в катакомбах, презрев уклады и догмы бытия общественного. Я надеялся на большую удачу, большой улов.

— Зачем тебе оружия столько? — спросил я его в лоб.

— Ружьё на стене — жди выстрела?! — вопросом на вопрос он. — Так диктуют законы ваши литературные?

Оракул на то и Оракул, чтоб прозревать...

— А ты не только в деле военном эксперт?! — скрывал я замешательство.

— Это правда, — он почесал затылок. — Не стану, однако, тянуть кота за хвост и скажу, что ждал давно вас! Вы — сочинитель местный, властям оппозиционный!.. Я и опусы ваши читал: «Галерея ПМР» и прочая... про диффузных... да лихо вы пригвоздили нас всех в погонах...

— Но как это может быть?

— В одной из ставок у меня кабинет рабочий: ПК с выходом в Интернет...

— А аппаратуру ты тоже в «Бастионе старом» у завсегдатая пьяного экспроприировал?

— С этим забавнее. Несколько лет назад один питерец, блогер известный и клиент Игорька, к Мадонне нашей наведалься. Увидев же Призрака, так испугался, что весь арсенал блогерский — а он хотел фалOVERов в экстаз ввести репортажем от Ворот Водных, — побросал: и ноутбук, и видеокамеру, и многое ещё... Вот с тех пор я отслеживаю жизнь общественную, сводки с фронтов Украины, бредни пропагандистские «Соловьёва & К°»... А по ночам хожу на моцион к Днестру.

— А на «Ютубе» не думаешь канал просветительский завести — о войнах современных? — я сразу был на «ты» к нему, а он продолжал выкать.

— Интерес есть — и немалый. Но в раздумьях я. Дело одно, когда хочешь для себя стратегию и тактику властей постичь, а другое — эфир для масс. Поднимется переполох, если я выступлю на аудиторию! И если сейчас спецслужбы положили с прибором на меня — ну, бегаешь, понимаешь, вид дикий, Йети-одиночка, по катакомбам, уворовывая припасы из ресторана или хозчасти военной, ну срочников пугает, офицеров матом кроет, уходит в отставку и покаяться призывает, проповедуя о грехе служить империи псевдо во благо олигархата мирового, поделившего мир на зоны влияния, — вреда немного от него, пусть себе... А после эфира уж точно придётся пускать в ход арсенал! — он указал на стоящее, лежащее и прислонённое к стенам оружие. — М-да, мало не покажется, реши я встать на путь блогерства! — Покончив с ответом, он и стакан свой смахнул: — Норма!

— А что ты думаешь по поводу Призрака?

— Призраки, конечно, существуют. Но сей, как и всё в ПМР на поверку: симулякр с целью сделать из мухи слона, увести в мир грёз...

— Но *на него* слетаются смотреть пытливые, о нём слагают легенды: ему-де несколько сот лет, он — достояние культурное места и региона!..

— Да бросьте: мы имеем дело с манипуляцией. Кое-что мелькнуло о Призраке в газетёнке жёлтой при царе — и вот вам история доподлинная! Как тут аттракцион не сварганить, применив аппаратуру инновационную, проецирующую на небо картинку!

— Поясни.

— Я наблюдал из укрытия за монтажом хрени той. Проектор голографический, величиной с коробку обувную, проецирующий анимацию интерактивную. Устройство с корпусом всепогодным, имеет термоблок

и вентиляцию приточную... Альпинистов выписывали из Кишинёва приладить штуковину эту к Воротам Водным. В поясе верхнем скрытно для публики располагается оно. И поныне два раза в году бригада верхолазов прибывает для смены батарей и синхронизации во времени при переводе сезонном часов — чтобы Мадонна в полночь совершала выход звёздный свой к Месту, откуда по преданию и пошла на смерть шестьсот лет назад... Технологии!.. Скоро сталкеры при свете луны будут колу и мороженое туристам подавать!

— М-да, дела!.. — проговорил в черёд свой и я. — И весь сыр-бор ради того, чтобы, исповедуя Империю новую, сменить формат «дружбы народов», обзавестись дискурсами новыми в пространстве идеологическом.

— И не просто дискурсами и топосами в пространстве идеологическом им обзавестись необходимо, как любите выражаться вы, инженеры душ, а и системой новой воздействия на массы, механизмов жутких и далеко не абстрактных. Я про конфликты межэтнические! И не только военные! Ситуация с прекращением подачи газа Приднестровью тому пример яркий!

— Наше извечное: бей своих, чтобы чужим неповадно было! — тут я вскипел: — Но ведь ты, Николай, тоже был частью механизма этого? Офицер армии России, воевавший за восстановление Империи Совка?!

— Я не мыслю так мудрёно; я — солдат присягнувший, а ныне путь несогласия избравший... потому что чую ложь, насаждение *имперского псевдо*: на словах вещают одно, а на деле — другое!

И я, интервьюер, подливал масла в огонь:

— Недаром же и верхушку армейскую переподчинили Конторе — незадолго до спецоперации в Украине: заставили «грушников» отчитываться напрямую чекистам, что, по сути, позор для армейской! Так ведь?

И он разошёлся. Вскочил с лежака, взад-вперёд по пещере забегал.

— Многое меня бесило, — размахивая руками длинными, чуть не сбил под потолком фонарь, — почему я и оказался в подполье, вычеркнутым из списка. Перво-наперво, война Приднестровская-1992, в которой участвовал, велась с точки зрения стратегии и тактики дилетантски. И вовсе не военспецы *диффузные* армий-противников, что коммутировали через Кремль и Лубянку, меня смутили — как же: и те и эти, и молдаване, и русские, — все ставленники в прошлом структур подневольных в одной шестой части суши мировой, в училищах военных сидели за партами вместе. А то меня смутило, что по прошествии лет ничего не изменилось: война в Украине разыгрывается как по нотам... никто не хочет территориями овладевать, *им всем* важен процесс. Подумать только: быть уже в самом начале СВО в трёх шагах от Киева — и так бездарно позиции утратить?!

Павло РЫЦАРЬ

ВЕРНУТЬСЯ В ДОМ

* * *

корзина рыбою полна
считал чешуйки дотемна
их сорок тысяч

собрал в охапку блёклый мох
мечтать под звёздами прилёг
их сорок тысяч

сквозит улыбка по губе
все мысли только о тебе
их сорок тысяч

благоговею до поры
но жаждут крови комары
их сорок тысяч

иду тропинкою один
вернуться в дом полно причин
их сорок тысяч

меня не помнишь и не ждёшь
в достатке тех кто в сердце вхож
их сорок тысяч

* * *

всё случится ровно так как будет
в лёгкий взмах сезонного кутюр —
ситцы откадрилят
вступят худи
в свой законный выверенный тур

по предместьям хлопотанье мышье —
антитезой давешних истом
рощам — примерять фату-затишье
кротко рдеть предательским листом

проминая коврик бересклета
старший леший след тая хитро
увлечёт поюзанное лето
в реставрационное бюро

* * *

Ты, весь улов наш в пригоршне держа,
сказала:
— Пусть...
И выпрямила руку.
Кусты шипели яростью ежа.
Сникал прибой, слабея стук-по-стуку.

Закат тускнел, об воду тихо гас.
Ещё тютё-чуть, и свету — полный алес.
Чтоб глупой спешки не было у нас,
мы от реки к вигваму продвигались.

Качался луг, цикадами звеня.
С отдушкой сена сплёлся запах тинный.
Однажды ты
так выпустишь меня,
Едва персты ослабив над пучиной.

* * *

так будто да
так словно нет
по-затрапезну
по-одету
весна танцует менуэт
и примерзает к менуэту

мой исчислимый вексель дней
он истончён
шагренов
юрок
ему бы ярости мазурок
для исчерпания полней

за линзой неба цвета блю
весы настроила фемида
вот только марши не люблю
внимая разве что для вида

для не порушить общий строй
не преподнести фальш-ноты хору
а солнце катится горой
а прежде — помнится — на гору

* * *

зажат в истерзанных полях
избит ещё в столетье оном
в грядущий день тащился шлях
усталым выцветшим питоном

кибитку шаткую влача
у черт оседлостей в опале
из недр колхоза ильича
исторглись крайние ромале

вitala песня
хлопоча
их с волей сцепщицей и сводней
пёс—безотрадности бача —
им выl вослед из преисподней

сколь обречённо хаял их
сын председателя колхоза
волшба дождя была как стих
под чьим хлыстом сникает проза

трудился ветер-костоправ
внезапен шквалом точно здрасьте
свою усердно осознав
причастность к странствующей касте

метался тополь—«с кем же я
предамся пляске одноногой»
неровен час—зима-швея
займётся долом и дорогой

* * *

так будто не было атаки
не прерывалась с явью связь
свистят застенчивые раки
по терриконам обживясь

войной не выпитый до дна я
исполнен духом молодым
и жарко ждёт меня родная
и крепок дом и терпок дым

борщ во главе доступных опций
а цветъ—посулом долгих лет
та знов звучить «до бою, хлопці!»
і я хапаю кулемет

Эмилия ПЕСОЧИНА

ЖЕНЩИНА В СУМЕРКАХ¹

Сумерки... Суууу-мер-ки... Какое волчье, воющее слово... Ударное «ууууумер» внутри... Жалкие остатки света ещё трепыхаются вверху, а по низам уже неумолимо растекается смоляное варево из опрокинувшегося котла тьмы.

Снова день впустую... Ничего не удалось. Ничего. И опять этот широкоплечий безногий на кресле-коляске катит по аллее. Просто так? Или...?

1

Орки в камуфляже и с автоматами вломились в дом, когда день почти умер... Они ввалились, топая грязными берцами по недавно вымытым полам, и вытеснили прозрачный воздух. Повисла вонь нестираных штанов, невымытых тел и перегара. Дышать стало нечем. Сердце перепуганным воробьём скакало за рёбрами.

Белобрысый красномордый амбал остановил мутный взгляд на Карине, харкнул ей под ноги, ухватил сзади за пышные чёрные кудри и промычал: «Слыыышь, бойцы... Глядиии... М-м-м-м, какая хохлуууушечка! Саааахарная... Нееежная... Белокоооожая... Чёрные брови, карие очи... Иишь ты!» Юная женщина отшатнулась к стене. Отец выбежал из соседней комнаты и заслонил её собой: «Не трожь мою дочь, ублюдок! Убери свои поганые лапы!» Из кухни вылетела мать: «Ой, не надо! Ой, не надо! Ребята, не надо! Мы сейчас уйдём, а вы тут ночуйте, располагайтесь! Чистое бельё в шкафу, душ вон там! Дочечка, идём! Гриша, не трогай их, пойдём! Пожалуйста!»

Но короткий и точный удар приклада в лицо обрушил мужчину на пол, изо рта и носа хлынула кровь. Он прохрипел: «Лидя, Карина, бе-

¹ Все имена, фамилии и географические названия вымышлены. За случайные совпадения автор ответственности не несёт.

гите...» — и снизу хотел въехать ногой белобрысому ногой в пах, но тот успел отскочить. Замелькали берцы, глухие удары сыпались на пытавшееся сопротивляться тело, слышались только булькающие стоны и треск рёбер. Лидия метнулась в кухню, снова выскочила, уже с топором, крикнула: «Доня, тікай!»² — и рубанула наугад по одной из камуфляжных шей, потом по чьей-то спине. Карина рванулась к двери в коридор, но амбал подставил ногу, и она упала, сильно ударившись головой о стену. Раздалась автоматная очередь. Мать, так и не выпустив топор, рухнула. По халату в синий цветочек расплылись алые пятна. Из шеи ударил красный фонтанчик и тут же опал.

Белобрысый заорал на стрелявшего: «Ты... Так было бы две бабы, а теперь одна мертвячка!» Но камуфляжные зароптали: «Командир, да она вон Быка одним ударом зарубила, и Чёрному спину пробила! Бешеная, ну её!»

Карина приподнялась на локте. Мёртвые родители лежали близко друг от друга. Поодаль валялся труп убитого топором. Раненый — по кличке Чёрный — сидел, прислонившись к стене, и громко стонал, вытирая ладонью льющуюся изо рта кровь.

Тот, кого называли командиром, присел на корточки перед упавшей женщиной, крепко ухватил за кофточку и ухмыльнулся: «Ну, что, сладкая... Придётся тебе за двоих отдуваться... И за кореша моего лучшего, погибшего, тоже рассчитаешься сполна! Поняла, сахарная?» Орки заготовили: «Слышь, Корень, в твоём Нелютово, небось, такие не водятся! Начальству первому пробу снимать надлежит!» Корень кивнул, одной рукой рванул кофту, а другой с размаху хлестанул Карину по щеке.

К утру её превратили в кровавый, хрипящий кусок мяса с чёрным разорванным ртом. Белобрысый усердствовал особенно и всё заглядывал ей в глаза: «Вишь, сколько тебе счастья привалило, сладкая! Сейчас ещё добавим!» Внезапно у него запиликал мобильный. Корень вскочил и со спущенными штанами бодро отрапортовал: «Корень! Да... Да... Бойцы отдыхают... Так точно... Вас понял... Есть!» Натянул штаны и скомандовал: «Уходим! Быстро! Укры прорвались! Чёрного пристрелить, он все равно уже почти труп, Быка тоже здесь оставить. Некогда с „двухсотыми“ морочиться! А эту вытащить во двор, облить бензином и сжечь!»

Карину ухватили за ноги и поволокли. Один из камуфляжных кинулся к стоявшей во дворе крытой военной машине, вытащил было канистру,

² Дочка, беги! — здесь и далее перевод с украинского, сделанный автором рассказа

но слышались автоматные очереди, где-то неподалёку ухнул взрыв. Корень заорал: «Всё! Уходим! Эта и сама подохнет!» И она действительно, наконец, потеряла сознание.

2

Программист Роман Серов возвращался домой в тёплых дождливых сумерках. Вон окно квартиры — светящийся апельсиновый прямоугольник на мокрой стене пятиэтажки. Девочки, наверное, ждут его на кухне, чтобы поужинать втроем. Яна и впрямь выглядит намного моложе своих лет: изящная фигурка, лёгкая походка, очень короткая модная стрижка, нежное розовое ушко с замысловатой серебряной серёжкой, лучики в серых глазах, чуть-чуть иронии в улыбке: а как же, психолог, всё понимает о метаниях души... И не скажешь, что они жена-ты без малого двадцать лет и недавно отпраздновали совершеннолетие единственной дочери Ксении — студентки-первокурсницы!

Он вошёл в квартиру. Жена и дочь появились в коридоре и хором немного растерянно сообщили: «Тебе повестка из военкомата!» В бумажке было написано, что его вызывают на трёхнедельную переподготовку. Указаны дата и время обязательной явки. Яна успокаивающе улыбнулась: «Сейчас время такое, Рома! Сам понимаешь... Специальная военная операция идёт... Ты же военнослужащий запаса, а, наверное, давно забыл, чему тебя на срочной службе в молодости учили. Освежишь всё в памяти, новенькое что-нибудь узнаешь. Если что, будешь нас защищать! Да, Ксюша?» Та с любопытством взглянула на отца: «Пап, а тебе военную форму выдадут? Я тогда с тобой сфоткаюсь и в Инстаграмме поставлю! Знаешь, сколько „лайков“ можно под это дело получить? Видимо-невидимо!» В предвкушении такого счастья она радостно вздохнула и исчезла в своей комнате.

Неделю спустя воняющий бензином автобус вёз одетого в камуфляжную форму Серова и ещё тридцать мужиков сквозь холодную темень в неизвестном направлении. Утром их выгрузили возле казармы, построили и поставили в известность, что переподготовка будет проходить в условиях, приближённых к боевым. Новичков гоняли строем и враспыленную на стрельбы и в учебные окопы, и было много ещё чего изматывающего, нудного и дикого с точки зрения штатского человека. Иными словами, людей учили грамотно и эффективно уничтожать себе подобных.

Прошли три недели. Потом ещё три, поскольку сверху пришёл приказ о продлении переподготовки. Наконец, ночью их загрузили в крытые

грузовики и снова куда-то повезли, думалось, что домой. Но это был фронт. Вновь прибывших построили и зачитали приказ об их мобилизации на полгода. Страна нуждается в защите от посягательств западных врагов и нацистов.

Взводом, в который загнали Романа, командовал молодой лейтенант с бешеным огнём в глазах. Он с жаром вещал об опасности, которую представляют «нацики» для отечества, призывал ликвидировать противника без жалости, как когда-то славные деды били гитлеровцев. Программист слушал и мысленно хмыкал. У него была своя точка зрения на всю эту мерзкую дурость, затеянную родной страной против соседнего народа, прежде именовавшегося «братским». Но автомат в руках и форма на плечах обязывали участвовать и выполнять приказы. Серов уже слышал, что отказавшихся воевать просто расстреливали на месте. Да, этот псих церемониться не станет... Ишь, как слюной плюётся!

Вновь прибывших бросили на штурм окопов противника. Роман, впервые попавший в такую передрыгу, сразу же почти оглох от грохота и перестал что-либо соображать, а просто механически бежал вперёд вместе со всеми и стрелял. Окоп, в который они ворвались, был мелким, а на дне лежал так называемый «нацик» с оторванной ногой — очень бледный, сероглазый, тёмноволосый парень с аккуратной бородкой — и затягивал турникет на остатке конечности, из которой лилась кровь. Его автомат, видимо, отброшенный взрывом, валялся в нескольких метрах от бойца. Серов быстро сообразил: тяжело раненный, безоружный противник опасности не представлял, надо его просто взять в плен и отправить в госпиталь в тылу, чтобы человека спасли. Кричать «Сдавайся!» выглядело бы глупо. Роман уже собирался кинуться к сероглазому и помочь остановить кровь, всё ещё хлеставшую струёй. Но бешеный лейтенант подскочил сзади и заорал: «Стреляй! Стреляй, сволочь, а то убью!» Мышцы выполнили команду, прежде чем мозг успел осознать. Очередь прошла лоб, шею и грудь лежащего. Он в последнюю секунду жизни успел изумлённо посмотреть в глаза своему убийце — программисту Серову — и умер. Тут над головой Романа что-то страшно грохнуло, по ногам полоснула огненная боль. Когда дым рассеялся, он увидел голову лейтенанта, соединённую с туловищем лишь лоскутом кожи. Рядом лежали ещё два трупа, один на другом. Мужчина хотел вскочить и бежать подальше от страшного места, но оказалось, что обе ноги превратились в чёрно-красное месиво. На крик «Помогите!» никто не отзывался. Турникет оказался гнилым и сразу лопнул. Пришлось взять один у лейтенанта без головы, а другой — у соседнего трупа. Серов наложил

турникеты и глянул на застреленного парня с бородкой. Один глаз у него был залит кровью, а другой недоуменно глядел в небо, словно спрашивал у горних: «Как же так? Разве так можно? Разве люди так делают?» Роман отвернулся и пополз в сторону своих. Он желал жить.

3

Карина иногда выныривала из белого марева и упиралась взглядом в качающийся тёмный потолок — прямо перед глазами. Над ней склонялась девушка и ласково уговаривала: «Вже скоро приїдемо... Потерпи ще трохи, сонечко... Ще зовсім трошки... Все буде добре, дівчинко...»³ К руке была прилажена капельница. Женщина начинала считать капли и на третьей по счёту снова проваливалась в мучительную мусть.

Потом она увидела огромную яркую лампу над своим животом и людей в зелёных медицинских масках. Один из них сказал: «Зараз зробимо снодійний укол, не хвилюйся!»⁴ На этот раз туман оказался чёрным и давил, давил, давил на грудь, лишая воздуха.

Окончательно Карина пришла в себя нескоро: после шестой операции, как оказалось. Потолок был белым, высоким, неподвижным, а воздух — прозрачным и солнечным. В голове звенела пустота — и женщина цеплялась за неё: безмысленную, беспамятную, бестрепетную. Главное: не позволить мыслям прорваться в монотонную бездумность. Пациентка сосредоточилась на трубках: по одним жидкость текла в тело, по другим из груди и живота что-то тёмное выливалось в склянки, привешенные к койке. Подходили то врачи, то медсёстры: «Пані Гунько, як ви себе почуваете? Ви дуже добре перенесли операції, тепер треба одужувати!»⁵

Пани лежала и молчала. Она ничего не хотела знать об операциях. И вообще ни о чём. Так проходили день за днём. Психолог навещала пострадавшую несколько раз, но беседы не вышло. К больной допустили визитёров: сотрудников-программистов. Они принесли уличный запах весны, апельсиновый сок, ветки цветущей сирени, осторожные улыбки. Задавать вопросы коллеги не решились. А может, им просто запретили медики. После неловких ободряющих междометий и коротких сочув-

³ Уже скоро приедем... Потерпи ещё немножко, солнышко... Ещё совсем немножко... Всё будет хорошо, девонька...

⁴ Сейчас сделаем снотворный укол, не волнуйся!

⁵ Пани Гунько, как вы себя чувствуете? Вы очень хорошо перенесли операции, теперь надо выздоравливать!

ственных фраз посетители пожелали скорейшей поправки и смущённо откланялись.

Постепенно все трубки удалили и велели вставать и ходить. Карина медленно переступала, проверяя устойчивость ног. Подошла к распахнутому окну. По улице ехала крытая военная машина. И все плотины, выстроенные пациенткой, взорвались разом. Память, мысли, боль, ужас — всё хлынуло внутрь одновременно, и женщина закричала.

Когда действие вколотых успокоительных ослабело, она потребовала рассказать всё.

Истерзанную, обескровленную молодую женщину, лежавшую без сознания во дворе одного из домов, нашли боевые медики после того, как село отбили у орков. В самом доме обнаружили четыре трупа: забитого до смерти мужчины, застреленной женщины — оба в залитых кровью домашних одеждах, и двоих орков в камуфляжных формах с глубокими рублеными ранами на теле. Оставшиеся в живых соседи сообщили, что военная банда ворвалась в село накануне в сумерках и сразу начала грабить дома, избивая хозяев, насилуя женщин и девочек. Крики и выстрелы раздавались отовсюду. Свора удержалась в селе всего одну ночь и утром удрала на машинах, прихватив награбленное и оставив на улицах и во дворах четырнадцать убитых и много пострадавших жителей. Тяжелораненых, и среди них ещё живую пани Гунько эвакуировали в город и развезли по больницам. Убитых, в том числе и родителей Карины, похоронили на местном кладбище.

Приходил следователь прокуратуры, аккуратно расспрашивал о той ночи. Женщина говорила на одной ноте, без пауз. Рассказала и замолчала. Подписала показания и составленное заявление. Потом психолог старалась найти контакт с пациенткой, но ничего не добилась. От предложенной реабилитации в санатории больная отказалась и была выписана домой.

Городская квартира оказалась неповреждённой. Соседние дома сильно пострадали от обстрелов, окна были забиты фанерой, а здесь все стёкла остались целы. Никаких следов пребывания мужа, Саши Гунько, не обнаружилось. Похоже, что он дома не появлялся. И связи с ним тоже не было. Женщина, ещё лёжа в клинике, десятки раз тыкала в знакомый номер мобильного, но безрезультатно. Заходила на странички мужа в сетях, в его электронную почту — тоже без толку. И связи с бригадой, куда он был направлен как доброволец, тоже не было. Ей объяснили: обстановка сложная, не всегда есть возможность контакта.

Карина выходила ненадолго, покупала съестное, возвращалась домой. Соседние квартиры пустовали. Звонили друзья, сотрудники, предлагали помощь, звали в гости — она коротко благодарила и отказывалась. Больничный ей продлили. Затевала выть сирена, вгрызалась в мозги. Пани Гунько в убежище не спускалась, а просто уходила в коридор, сидела на стуле или лежала на матрасе. Она теперь раскладывала прошлое по полочкам, давая памяти полную волю.

Свадьба перед Новым годом — на ней, невзирая на разгулявшийся в городе мерзкий ковид и запрет всех мероприятий, гуляла вся их суперкрутая компьютерная фирма! Да, все ребята были программистами экстра-класса! Сложнейшие заказы получали и выполняли в срок — другим фирмам такой уровень и не снился! Молодожёны собрались было в свадебное путешествие, но вирус их всё-таки свалил, правда, ненадолго и без последствий. Двадцатого февраля позвонили жившие за городом родители Карины: температура под сорок, кашель, дышать трудно, похоже, что ковид. Уже переболевшие дети немедленно помчались помогать, повезли лекарства.

А двадцать четвёртого февраля бахнула «расширенная агрессия». Так решили назвать это страшное дело. На просыпающиеся утренние города полетели бомбы и ракеты. Чёрные стаи орков двинулись на поля и степи, громяхая бронетехникой и изрыгая огонь из реактивных систем. Саша быстренько собрался. Точнее, его собрали всей семьёй. Никто не отговаривал. Да он бы и не послушался. Закинул на плечи рюкзак, обнял жену, велел хорошо глядеть за тестем и тёщей, растопырил пальцы буквой «V», улыбнулся, кивнул и ушёл. Из города позвонил, что записался добровольцем, едет на обучение, потом на фронт. Связи, возможно, не будет, но волноваться не стоит. Карина позвонила на фирму, взяла отпуск за свой счёт и осталась ухаживать за по-прежнему температурающими мамой и папой. Орки вошли в село две недели спустя и пробыли там всего одну ночь.

4

Доползшего до своих позиций Романа отправили в госпиталь. Там долго не церемонились и ампутировали ему обе ноги, так что остались лишь культяпки бёдер. Пострадала и нижняя часть живота, так что прежняя мужская гордость превратилась в безжизненный лоскут, а из мочевого пузыря вывели трубку через живот и сказали, что больше ничем помочь не могут — и это пожизненно. К трубке крепился пластиковый мешок, туда стекала моча.

Культи заживали медленно и плохо. Передвижение на костылях давалось с трудом. С домом связь была никудышная. Серову иногда удавалось дозвониться до Яны, но она уже после первой фразы начинала кричать: «Алло! Алло! Тебя не слышно! Рома, перезвони!» Он пытался снова, но безуспешно: звучали только длинные гудки. Ни Яна, ни Ксюша ни разу ему сами не перезвонили.

Раненого перевели в госпиталь поближе к родному городу и сообщили родным о его местонахождении и состоянии. Однажды дверь в палату открылась, и вошли жена и дочь. Обниматься они не спешили, а вежливо, словно посторонние, уселись на табуреты. Яна улыбнулась какой-то приклеенной улыбкой и задала дурацкий вопрос: «Рома, ну, ты как?» Муж молча смотрел на неё. Супруга глубоко вдохнула и решилась: «Рома, понимаешь, нам очень жаль, что ты в таком положении. Но давай реально посмотрим на вещи. Дом у нас без лифта, как тебе известно. На четвёртый этаж на костылях взбираться — это же жуткое дело! Вот мы с Ксюшей и подумали, что тебе было бы лучше пожить в Нелютово, в доме твоей покойной матери. Он ведь так и стоит с заколоченной дверью. Тебе не надо будет по лестницам ходить, и воздух там свежий, быстрее сил наберёшься. Удобства, правда, во дворе, но у тебя же мешок привешен, как нам сообщили, так что это даже лучше. Как-то приспособишься. Обогреватель можно поставить, если печку углём и дровами топить будет сложно. И продуктовый магазин там совсем рядом. А мы станем приезжать к тебе. Обязательно. Как только будет возможность, так и приедем. Да, чуть не забыла: я тебе кресло инвалидное заказала, очень удобное, колёса руками можно крутить и по улицам ездить».

Роман всё так же молчал. Яна начала набирать обороты: «Послушай, ты же умный человек! Ты же должен понимать! У тебя же никаких перспектив. Я говорила с врачами. Высокая ампутация, протезы будет очень трудно приспособить. Есть, конечно, заграничные, но они стоят бешеных денег. Где ты их возьмёшь? Есть, конечно, сбережения, ты сам знаешь, но Ксюше надо за учёбу платить, одеваться прилично. В задрипанных шмотках кто её замуж возьмёт? Не те времена сейчас. А обо мне ты подумал? Мне тридцать девять лет, Ромочка... И это никакая не старость. Я не хочу себя хоронить. Понимаешь? Рядом с инвалидом жить, лужи подтирать... про секс забыть... Да ничего, дочь у нас взрослая, всё понимает, так что можно и при ней... Ты не обижайся, что я вот так, напрямую, с тобой... Ты же должен меня пожалеть! Я могу ведь найти нормального здорового мужчину и быть счастливой, а не гнить с тобой под одной крышей!»

Прежде молчавшая Ксения вмешалась в разговор: «Папа, ты же сам всё понимаешь! Ты ведь нас с мамой любишь, правда? И мы тебя лю-

бим, конечно, но представь себе, что будет, если ты вернёшься домой! Мама с утра до вечера на работе — ты же знаешь, сколько у неё клиентов! А я на занятиях. Да и с друзьями надо встречаться в кафе, на фитнес ходить, на дискотеку, да мало ли куда... То есть, ты всё время будешь один в четырёх стенах. И, кстати, как я смогу друзей в дом приводить? Ты извини, папа, но от тебя мочой воняет. Ты не виноват, конечно... Но я же тоже не виновата! Между прочим, я серьёзно с одним парнем встречаюсь, он ко мне приходит часто. Да он от такого жуткого запаха моментально сбежит! И ещё одно... Мама, вот ты молчишь, а зря! Надо уже всё сразу оговорить, чтобы никаких неясностей не было. Я скажу папе, ладно?» Она перевела дух, взглянула на мать. Та молча улыбалась.

«Так вот, папа! У мамы тоже друг есть. Классный мужик, маме такие подарки делает — закачаешься! Да, мама? Мама же просто красавица, ты сам знаешь! Ну и что, ей теперь рядом с тобой всю жизнь пропадать? Скажи! Ты хочешь такого для неё?!»

Яна вздохнула: «Рома, ну, что ты молчишь и молчишь? Я всё понимаю, тебе нелегко, но ты же не эгоист, правда? Пойми, жизнь есть жизнь... Мы не собираемся от тебя отказываться, будем к тебе в гости приезжать... Впрочем, я это уже говорила... Голова кругом идёт... В общем, давай так... Официально оформляем развод. Я всё организую в лучшем виде. Ксюша уже взрослая, алименты тебе платить не придётся. Да и какие там алименты с твоей будущей пенсии по инвалидности... Квартиру ты уж нам оставь, будь добр! Она тебе ни к чему. У тебя мамин дом есть. Старенькую нашу машинку забирай себе. Попробуем на ручное управление переделать. Я спрошу у знакомых в автосервисе. Стиральную машину и холодильник я куплю и оплачу доставку в Нелютово. Видишь, я же о тебе забочусь, Ромочка! А ты вредничаешь и упорствуешь!»

Не добившись от Серова никакого ответа, они встали, помахали ему ручками и ушли. Неделью спустя появился адвокат, сказал, что от Яны. Роман подмахнул все бумаги, не читая. Вскоре прибыло приобретённое женой складное инвалидное кресло. Следом прислали по почте свидетельство о разводе. Звонков от бывшей семьи не поступало. Визитов тоже не было. Багровые рубцы на культиях больше не сочились и зажили окончательно. Пациент был готов к выписке.

Яна опять подсуежилась. К госпиталю подогнали выдавший виды автомобиль Серова, переделанный на ручное управление. В багажнике находились чемоданы и сумки с вещами, на сидении лежал ноутбук, а рядом в ящике — альбомы с детскими и юношескими фотографиями бывшего супруга. Водитель сложил присланное кресло и засунул в ба-

гажник поверх вещей, помог безногому усесться на пассажирское сидение — и повёз Романа в Нелютово, в родительский дом.

5

Раскладывание памяти по полочкам следовало проводить так, чтобы на это уходили все силы. Когда доходило до того, последнего, сумрака в доме мамы и папы, полочки заканчивались. Открывался чёрный беспросветный люк. Там Карину ждали смрадные гнилые пасти, водочный перегар, пропитанные спермой и мочой штаны у лица, потный пах, невытые подмышки — ядовитое тошнотворное облако памяти ежедневно и еженощно обволакивало, липло к коже... Не помогали ни круглосуточно открытые форточки в квартире, ни ароматические ванны, ни французские кремы...

Бригада, в которой служил муж, находилась в сложном положении, и связь с ней была затруднена. Наверное, поэтому Александр не выходит на контакт — так объяснили пани Гунько в военной администрации.

Однажды в дверь квартиры коротко и неуверенно позвонили. Она не ждала гостей, но решила, что, возможно, вернулся кто-то из соседей, и открыла дверь. Двое в военных формах стояли и переминались с ноги на ногу, не поднимая глаз. Карина сразу перестала чувствовать ноги, а сердце заledenело и поплыло к горлу.

Они вошли. Сели. Помолчали. Решились. Сообщили: Саша погиб. В бою. Орки пошли в атаку под прикрытием артиллерии. В окоп влетел снаряд, и Саше оторвало ногу. Он наложил турникет и сообщил по связи командиру (это был один из пришедших к Карине военных) о ранении. Когда побратимы отбили атаку и добрались до Саши, он был мёртв. «І ти бачиш, які сволоти оті орки! Нога у людини відірвана, автомат вибухом вирвало з рук і відкинуло, тобто поранений лежить без зброї — і вони, кляті, його просто в упор розстріляли! Отже ж нелюди! Це ж проти всіх воєнних та людських законів! Та хіба ж вони люди?! Гніди погані!»⁶

Тело погибшего вывезли за линию фронта, пытались связаться с близкими. Телефон жены не отвечал. Родители Саши проживали на

⁶ И ты видишь, какие сволочи те орки! Нога у человека оторвана, автомат взрывом вырвало из рук и отбросило, то есть, раненый лежит без оружия — и они, проклятые, его просто в упор расстреляли! Вот ведь нелюди! Это же против всех военных и людских законов! Да разве они люди?! Гниды поганые!

территории вражеского государства. Но им всё-таки передали через третьих лиц сообщение о смерти сына. Оба отреагировали так: «Погиб — и хорошо! Нечего было за „нациков“ воевать и Западу продавать-ся! Не будет больше нас позорить!» На том контакт и завершился. Рядового Гунько со всеми почестями похоронили на городском воинском кладбище.

Побратимы пытались разыскать Карину через её родителей, но узнали лишь, что те убиты, а их дочь, находившуюся без сознания и в тяжёлом состоянии, увезла санитарная машина. Хлопцы приходили и в Сашину городскую квартиру, но никого не застали. А сегодня снова решили повторить попытку. Военные вместе со вдовой съездили на кладбище, постояли над Сашиной могилой и отбыли обратно на фронт.

Карина вышла на работу. Она выполняла задания аккуратно, но то и дело застывала и смотрела в одну точку на мониторе. Сотрудники по-малкивали, и женщина спустя некоторое время «отмирала» и продолжала начатое.

Война всё шла и шла. Орков отбросили на северо-востоке почти до государственной границы, освободили и большой город на юге страны, но потом контрнаступление выдохлось и застопорилось. На новостных сайтах ежедневно появлялись сообщения об обстрелах и бомбёжках мирных городов, гибели гражданского населения, зверствах оккупантов на захваченных территориях. Имена многих причастных к пыткам и уничтожению жителей разведка устанавливала, дела передавали в суд, военным преступникам заочно выносили приговоры.

Однажды вечером Карина сидела дома перед ноутбуком и просматривала новости. Она наткнулась на сообщение о заочном суде над военными преступниками. Были названы их фамилии, воинские звания и номера бригад, в которых они служили. Указывали и места, где негодяи во время оккупации чинили зверства. В том числе, село, где жили и погибли её родители. На фотографиях глаза осуждённых были замаскированы чёрными полосками, но в одном из них женщина опознала того самого белобрысого ублюдка по кличке Корень. Судя по сообщению, на счету палача и насильника было много кровавых дел в разное время и в разных странах, и его приговорили заочно к пожизненному заключению. Она вспомнила, что один из орков упомянул в ту ночь какое-то Нелютово как место жительства этой сволочи.

На следующее утро Карина пришла на фирму и попросила внимания. Программисты приостановили работу и развернулись от компьютеров

к коллеге. И она рассказала им всё, от начала до конца, не упустив ни одной страшной подробности. А потом обратилась с просьбой. Сотрудники не задали ни одного лишнего вопроса и приступили к делу. Взлом вражеских сайтов, в том числе секретных и закрытых, был совершён по всем правилам хакерского искусства.

К концу рабочего дня пани Гунько располагала всеми необходимыми сведениями: паспортные данные, домашний адрес, послужной список садиста и перечень его «заслуг». Корень за это время получил ранение, был уволен из действующей армии, ныне трудился в военкомате городка Нелютово, проживал там же.

Карина хотела уволиться, но ей предоставили отпуск «на столько, на сколько нужно», собрали деньги, хотя она отказывалась, и пожелали удачи.

Женщина позвонила соседке покойных родителей, попросила, чтобы та забрала кое-что из их дома и хранила у себя. Вскоре риелтор продал дом за очень приличную сумму в долларах — уцелевшая недвижимость была в цене. Затем пани Гунько навестила своего старенького тренера по биатлону, отошедшего от дел и жившего после смерти жены одиноко на окраине города. Максим Иванович встретил любимую бывшую ученицу с радостным удивлением, потом взгляделся в её глаза, усадил за стол, налил чаю и коротко велел: «Розповідай!»⁷ Он, как и сотрудники фирмы, услышал всё, без купюр и смягчения красок.

Под руководством старого учителя Карина — в студенческие годы успешная биатлонистка и победительница многих соревнований — начала тренировки по стрельбе, благо, у Максима Ивановича и винтовка, и запас патронов в наличии имелись. Они вдвоём приходили в старый, заброшенный тир и работали. Сначала женщина палила «в молоко», но утраченные навыки быстро восстанавливались, и пули всё чаще ложились одна за одной строго «в яблочко». Однажды учитель сказал ей: «Всё! Ты готова! Иди и делай дело!»

Спортсменка получила от него пароли и каналы связи с нелегальными торговцами оружием там, во вражеской стране, и сперва уехала в сопредельное дружественное государство как беженка. Оттуда она улетела в маленькую третью страну. Всё могут короли, однако айтишники могут ещё больше: ещё до отъезда коллеги снабдили Карину координатами некоей организации, под прикрытием невинной вывески торгующей поддельными документами. В маленькой стране лишних

⁷ Рассказывай!

вопросов не задавали. За внушительную сумму в долларах женщина получила паспорт на подлинном бланке страны-агрессора, в который была весьма искусно вклеена её фотография. Все нужные штампы, печати, водяные знаки присутствовали. Она без труда прошла в аэропортах таможенный и паспортный контроль и вскоре оказалась на вражеской территории.

Пароли Максима Ивановича не устарели. Доллары приветствовались так же горячо, как и прежде. В ячейке вокзальной камеры хранения биатлонистку ждала отличная складная винтовка с оптическим прицелом, упакованная в ничем не примечательную сумку с ремешком через плечо. Через интернет было снято жильё в Нелютово — в непосредственной близости к известному Карине объекту.

Из квартиры на седьмом этаже можно было отлично наблюдать за всем, что происходило внизу. Но прежде следовало выявить белобрысого ублюдка и изучить его перемещения. Квартирантка прогуливалась по двору, по улице в разное время дня. Она не боялась быть узнанной. Только очень близко и давно знавшие Карину люди могли бы распознать в худой, бледной, сутулой женщине с седым ёжиком волос и пустым, потухшим взглядом прежнюю стройную кареглазую брюнетку с пушистыми волосами, спадавшими на плечи.

Вскоре она засекала Корня и, не желая всё же рисковать, следила за ним издали. Он выходил из двухэтажного дома утром, садился в легковушку и, видимо, ехал на службу в военкомат. Возвращался к вечеру уже в изрядном подпитии, хотя и за рулём. Видимо, мерзавец знал о заочном приговоре. По крайней мере, он всё время озирался и старался даже в нетрезвом состоянии поскорей преодолеть пространство от машины до подъезда.

Стрелять из окна квартиры снайперша сочла нецелесообразным: могли увидеть люди из домов напротив и вызвать полицию. Зато на крыше семиэтажки по краю тянулось довольно высокое заграждение из металлических решёток — отличное укрытие. Да и обзор отсюда открывался великолепный. Подъём на технический этаж из квартиры и выход на крышу занимал считанные секунды. План ухода Карина тоже продумала в деталях.

Оружие было приведено в рабочую готовность. Оставалось дожидаться вечернего появления белобрысого. Женщина поднялась на крышу и расположилась там, разглядывая двор в оптический прицел. К дому подкатил безногий инвалид на коляске, с трудом взгро-

моздился на костыли и исчез в подъезде. Утром он тоже тут мелькал. Мужик лет сорока, широкоплечий — а вот без ног... Уж не на войне ли потерял?

До темноты Корень так и не появился, видно, где-то загулял. Пришлось отложить задуманное.

6

Серов потихоньку приспособился к своей безногости. Отличный программист, он довольно быстро нашёл работу «на удалёнке». Деньги платили не ахти какие, но на скромную жизнь хватало. Пожилая женщина из соседнего дома за умеренную плату приходила дважды в неделю, делала уборку и готовила обед на несколько дней. С остальным Роман справлялся сам. Телефоны жены и дочери он заблокировал. С прежними коллегами и друзьями тоже ни разу после ранения не общался. Так рыба уходит в придонные воды и там обитает.

Дом был хоть и старый, но вполне пригодный для жилья. Пожилой автомобиль тарактел, но исправно возил. Инвалидное кресло для коротких прогулок оказалось в самый раз. Можно было бы сносно существовать. Но существовать было нельзя. Изумлённый взгляд то живого, то мёртвого глаза парня, застреленного в окопе, появлялся повсюду: на стенах комнат, на потолке, в воздухе. И даже в ночном небе он плыл, медленно перемещаясь от звезды к звезде. Возникал во сне и наяву. На улице и в магазине. Рассказывать кому-то о наваждении не годилось — просто отправили бы в психушку без лишних разговоров. Да и вообще, хватит психологов! Видели, знаем! Лучше всего просто прекратить раз и навсегда эту мучительную канитель. Всё равно никто не заметит исчезновения некоего обитателя дна. Какой смысл отодвигать то, что однажды случается в жизни каждого?

Времени для выбора места и способа ухода из жизни было более чем достаточно. Серов не спеша перебирал варианты. Топиться с камнем на шее — это сильно отдавало сентиментальными пьесами прошлых веков, да и подходящих водоёмов поблизости не наблюдалось. Стреляться было не из чего. Вешаться? — нет, это просто ужасно! Да и попробуй без ног надёжно закрепить петлю на нужной высоте так, чтобы не сорваться в итоге! Короче, такой метод не подходил. Резать вены — ну, это вообще театр! Сие годится для наркоманов и нервных дамочек! Принять смертельную дозу каких-нибудь таблеток — теоретически возможно, но кто его знает, вдруг они не сразу подействуют, и придётся долго мучиться... Не хотелось бы...

Александр КАРО

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗОВ

Эли было девять, Юсефу — десять. Их дома стояли на разных концах одного холма, как две крепости из разных времён. Внизу теснилась арабская деревня: переулки, шлакоблочные коробки с пристройками, крыши с торчащей арматурой, оставленной «на будущее», чёрные баки с водой, спутанные провода, старые пикапы в тени инжира, козы у ворот. Наверху белел еврейский форпост: несколько караванов на утрамбованном известняке, щебёночная дорога к мачте с флагом и прожектором, баки с водой, тарахтящий дизель-генератор, рулоны сетки-рабицы у колышков — будущий забор, загон для коз у самого обрыва.

Такие места в Израиле называли форпостами. Те, кто здесь жил, были для одних «молодёжью холмов», для других — фанатиками, для третьих — просто поселенцами в вязаных кипах. Они селились там, где другие евреи жить не хотели: слишком близко к арабам, слишком опасно, слишком мало закона и слишком много земли, за которую все держались зубами. Вокруг всегда шла своя тихая война: из-за воды, из-за коз, из-за тропы к источнику, из-за самого права стоять на этом склоне. Дети знали, где пригибаться от камней, где бежать зигзагом, какие тропы «наши», а какие «их».

В тот день Эли, бродя у границы пастбища, насадил ржавую консервную банку на сучок миндаля и стал метать в неё камни. Уже занёс руку для нового броска, когда банка вдруг дёрнулась и слетела: её сбил чужой камень. Из-за кустов вышел мальчик с рогаткой — Юсеф. Они уставились друг на друга насторожённо и почти враждебно. Эли молча поставил банку обратно. Юсеф так же молча протянул ему рогатку. С этого и началась их детская дружба.

Эли не знал арабского, Юсеф — иврита. Но для игры слов не требовалось. Они делили питу и халву, стреляли из рогатки по банке, отдыхали в прохладе пещеры, которая находилось неподалёку и стала их тайным убежищем.

Лето стояло сухое; в воздухе висели запахи выжженной травы и далёкой гари. Давид, отец Эли, подолгу работал в разъездах, и в его отсутствие у них в доме по каким-то мелким хозяйственным делам иногда появлялся Игорь — полицейский, друг Давида. Однажды, проходя мимо кухни, Эли увидел через приоткрытую дверь мать. Мириам стояла у окна, опустив голову, а Игорь что-то тихо говорил ей и на секунду коснулся её плеча — просто, по-человечески, как касаются человека, которому тяжело. Но Эли увидел только одно: чужой мужчина трогает его мать.

Он не помнил, как выскочил из дому. Всё, что ещё минуту назад казалось прочным и понятным, вдруг разлетелось на мелкие кусочки. Возле пещеры он начал швырять в подвешенную банку камни — будто этим можно было выбить из головы увиденное. Один. Ещё один. Ещё. За отца — чтобы вернулся и всё поставил на место. За мать — чтобы чужая рука на её плече исчезла из памяти. Он и сам не понимал, что именно видел, но в его мире такие вещи ничем хорошим не кончались.

Юсеф показался из-за скалы неожиданно. Один из камней угодил ему в бровь. Он схватился за лицо; кровь потекла меж пальцев. Эли шагнул к нему, хотел посмотреть, насколько всё серьёзно, но Юсеф оттолкнул его, выкрикнул что-то резкое на арабском и побежал к деревне. Эли остался стоять, словно это его ударили камнем.

* * *

Махмуд, отец Юсефа, пришёл в ярость, когда узнал, что сына ранил еврей.

— Они забрали то, что было нашим: землю моего деда, воду, путь к источнику, даже землю с могил, — кричал он. — Их забор каждый год ползёт вверх по склону, как змея. Ты думаешь, с такими дружат? С врагом не делят хлеб. Врага убивают. Мне стыдно, что мой сын принёс их имя в наш дом.

Он провёл ладонью по лицу, будто хотел стереть с него пыль и злость.

— С завтрашнего дня — никаких холмов. Никаких пещер. Никаких разговоров с евреями. Ты понял?

Юсеф кивнул.

— И мы отомстим за твою кровь, — добавил Махмуд уже тише.

Юсеф кивнул ещё раз, хотя не очень понимал, как именно отомстим? Может, ему надо побить Эли? Ударить камнем? Но в глубине души он знал, что тот попал в него случайно. Это знание мешало. Он решил: если ещё увидит Эли, даст ему по башке — и на этом всё.

* * *

Вечером Эли вернулся домой к ужину — весь в пыли, поту и овечьем запахе. На кухне горела лампа, пахло штруделем. За столом сидел Давид с кружкой чёрного кофе; ключи от пикапа лежали рядом, будто он готовился в любую секунду вскочить и ехать.

— Где ты пропал? — спросила Мириам.

Эли демонстративно промолчал. Давид привычно сгрёб его в охапку и усадил на колени.

— Как ты, сынок? Всё в порядке?

Эли перевёл взгляд на мать. Она стояла у мойки с усталым, отсутствующим лицом — так бывало всякий раз, когда Давид подолгу не возвращался, и дом держался на ней. Внутри у Эли всё стянулось в тугую узел — стыд, злость, растерянность.

— Всё хорошо, — ответил он.

И сразу почувствовал, что солгал. Потом ушёл к себе, не дожидаясь новых вопросов. Мысли ходили по кругу, как козы по загону. Потом круг сместился к Юсефу: всплыла его ладонь у раны, кровь, недобрый блеск глаз. Простит ли? Придёт ли ещё к пещере?

* * *

На рассвете Юсефа разбудил отец.

— Вставай, — сказал Махмуд. — Пойдёшь со мной.

Они шли быстро и молча. Юсеф был уверен, что отец поведёт его к форпосту — кричать, требовать, драться. Но Махмуд свернул к обрыву над трассой 60. Внизу лежала чёрная лента дороги, по которой редко, с большими промежутками, шли машины. Махмуд наклонился, поднял с земли тяжёлый камень с кулак и вложил его в руку сыну.

— Ты должен убить еврея, — сказал он спокойно. — Выбирай любого. Они все наши враги.

Юсеф много раз видел, как взрослые швыряют такие камни вниз, в машины. Он восхищался их ловкостью и смелостью. Ему казалось: когда вырастет, будет таким же. И вот настала минута, о которой он раньше думал почти с гордостью, — а внутри оказалось пусто и липко от страха.

Внизу показался запыленный пикап. Юсеф сразу узнал машину Давида: тот часто ездил этой дорогой чинить забор или везти что-то с базы. В груди у мальчика всё опустилось. Он поднял руку — и тут же опустил.

— Ну? — резко спросил Махмуд. — Кидай.

Юсеф беспомощно посмотрел на отца. Тот презрительно скривился, забрал камень из его ладони — легко, как ножницы у ребёнка, — и сам шагнул к кромке. Бросок вышел коротким и точным.

Звук удара унёс ветер. Но Юсеф увидел, как лобовое стекло плачет сразу побелело трещинами. Машина дернулась, завилась, с коротким визгом ударилась о железо ограждения и перевернулась в кювет.

Несколько секунд мальчик не мог прийти в себя от ужаса. Но был этом ужасе какой-то тайный восторг и даже гордость за содеянное отцом.

* * *

Эли весь день был далеко от форпоста. Козы шли цепочкой по извешняку, колокольчики вяло позвякивали. К вечеру он погнал стадо домой и ещё издали увидел у мачты плотный круг людей.

— Что случилось? — спросил он у первого попавшегося взрослого.

Тот посмотрел на мальчика с жалостью.

— Эли... Нам всем очень жаль. Плач твоего отца перевернулся. Это не авария. Арабы кинули камень.

Мир сразу стал плоским: белое небо, тёмный флаг, дизель тарыхтит, как больной. И тут же — первая мысль, быстрая и чёрная: а сразу это из-за него? Всплыли пещера, банка на сучке, короткая игра, кровь на лице Юсефа.

Подъехала бело-синяя машина. Из неё вышел Игорь, поднял руку, что-то говорил людям про закон, про расследование, про то, что разберутся. Ему отвечали громко и зло. Все хотели не закона, а мести. Потом Игорь подошёл к Эли и положил ладонь ему на плечо.

— Пошли. Отвезу тебя домой.

Дома Мириам смотрела на сына так, будто у них теперь и вправду одна вина на двоих. Эли не выдержал, бросился к ней и разрыдался.

— Мама, прости меня... Это всё из-за меня.

— О чём ты говоришь? — тихо спросила она.

— Это я первым бросил камень. Тогда, в пещере...

Он сбивчиво рассказал про Юсефа, про ссору, про рану. Мириам подняла глаза на Игоря.

— Я разберусь, — сказал тот. — Хорошо, что рассказал. А теперь будь рядом с мамой. И никуда не уходи.

* * *

Когда полиция приехала в деревню, Юсеф играл с младшим братом у дома. Увидев Игоря, он сразу застыл. Тот подошёл, взял его за подбородок и заставил поднять голову.

— Откуда рана? — спросил он на арабском.

Юсеф вырвался и убежал в дом. На пороге появился Махмуд.

— Что тебе нужно от моего сына?

Игорь стоял, держась спокойно, но рука у него легла на кобуру.

— Ты убил моего друга. Ты и, может быть, твой сын.

— Ты ничего не докажешь, — ответил Махмуд. — Я никого не убивал. Убирайся отсюда!

— Ты за всё заплатишь, — пообещал Игорь.

Ночью в участке просматривали камеры, собирали показания, сводили одно к другому. Ничего не сходилось. Участок трассы, где перевернулся пикап, оказался «слепой зоной». В суде это дело развалилось бы ещё до первого слушания.

После визита полиции Махмуда вызвали на совет старейшин. Вернулся он мрачный и злой, накричал на жену, отвесил затрещину старшей дочери, потом велел найти Юсефа.

— Ты должен кое-что сделать, — сказал он мальчику. — Для меня. Для семьи.

— Клянусь Аллахом, — тихо ответил Юсеф. — Сделаю.

— Скоро будут похороны того еврея. Там будет его сын. Ты знаешь, как его зовут?

— Да.

— Ты должен встретиться с ним.

— Зачем? — почти простонал Юсеф. — Я не хочу.

— Так надо. И ты сделаешь всё, как я скажу.

У Юсефа подкосились ноги. Он решил, что отец хочет заставить его убить Эли прямо на похоронах. Но спрашивать не посмел.

* * *

В день похорон пришёл хамсин. Горизонт заволокло мутной мглой, воздух стоял тяжёлый, неподвижный. Люди говорили вполголоса, подходили к Мириам, обнимали её, что-то шептали. Эли был там как во сне, не вполне понимая, где находится и что должен делать.

Всё происходило будто без него: голос рава, шаги по сухой земле, чужие вздохи, лица соседей, знакомых отца, полицейских. Эли старался не смотреть по сторонам. Ему казалось, что стоит увидеть всё целиком — белую ткань, свежую землю, материнское лицо, — и смерть отца станет окончательной.

Вдруг Эли почувствовал, как что-то резко изменилось вокруг. Он поднял голову и увидел Юсефа. Тот стоял у края дорожки рядом со своим отцом.

Махмуд подтолкнул сына вперёд. Юсеф сделал несколько шагов к Эли, отчего тот невольно отшатнулся. Не из гордости, не из злости —

тело сделало это раньше него. Словно беда не кончилась, не осталась в прошлом, не легла в землю вместе с отцом, а стояла сейчас перед ним. Дышала тем же воздухом. Смотрела на него чужими детскими глазами.

Махмуд выждал секунду и тихо сказал:

— Мальчик хотел выразить соболезнование.

Ответа не последовало.

Тогда он взял сына за плечо и увёл прочь.

* * *

На шиве всем было неловко смотреть друг другу в глаза. Народу собралась много — соседи, родственники, коллеги — Давида любили все. Атмосфера в доме была напряжённой. Мужчины говорили вполголоса, женщины шептались у стены. Наконец Игорь не выдержал:

— Я знаю, о чём вы думаете. И поэтому прошу: сами ничего не принимайте. Не испортите дело.

— Моего мужа убили, Игорь, — язвительно и громко произнесла Мириам. — Что тут ещё можно испортить?

Эли вдруг подумал, что тогда, возле двери в кухню, увидел не всё — или вовсе не то. Ему стало стыдно — за свою тайную злость на мать, за всё, что он успел про неё подумать.

Наутро Мириам сказала, что они переедут в центр страны.

— Там безопаснее, — сказала она. — Там бабушка с дедушкой. И море.

Для Эли это звучало как ещё один удар. Он спорил, кричал, что все его друзья здесь, что отец бы никуда не уехал. Мириам выслушала и сказала только:

— Я знаю. Поэтому его здесь больше нет. А ты пока ещё есть.

Эли пытался представить море, бабушку с дедушкой, какую-то другую жизнь — там, в центре страны, вдали от холмов и ветра. Но видел только что-то плоское, тесное и чужое.

* * *

Ближе к вечеру в дом заглянул Игорь.

— Правильно, что уезжаете, — сказал он.

— Почему? — сразу спросил Эли.

Игорь помедлил.

— Скорее всего, форпост снесут. Не сейчас. Но к этому идёт.

— Снесут? — переспросил Эли. — Весь?

— Может, и весь.

Грег Блейк МИЛЛЕР

«ЭФФЕКТ КУЛЕШОВА»

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

«Эффект Кулешова» — роман-шарада, роман-загадка. «Но что, если время действительно работает как фильм? Вырежи здесь, склей там, и эффект перенесёт тебя куда угодно и с кем угодно...»

Грег Блейк Миллер в своём тексте пересобирает время и пространство.

Вот Кира, она проживает жизнь за жизнью — двадцатые, тридцатые, Блокада, шестидесятые. Она всякий раз погибает и возвращается, и помнит, что было с ней раньше. А вот Том, он американец и умеет ходить между временами в поисках Киры, и нет, он не сумасшедший.

Круг за кругом, как смерч, фантаσμαгория возвращается к центру притяжения: кино. Оттепель. Геннадий Шпаликов, «Застава Ильича». Документальные сцены настолько точны, что свидетели-современники говорят: автор будто был там и слышал всё своими ушами.

«Почему вы идёте в кино?» — спрашивает Михаил Ромм у абитуриентки Киры, и она отвечает: «Хочу показать людям, как выглядит время».

— Марина Дяченко, соавтор, с Сергеем Дяченко,
трилогии «Вита Ностра»

ЧАСТЬ XIV: ЖИВУТ ТАКИЕ ПАРНИ

КИРА 1962

1. РЕКА, ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Близ воды всё бурно идёт в рост. Гроздь золотисто-карего рогоза, индиговые голубые колокольчики, кувшинки в виде ангелов с воздетыми крыльями. А прямо под водой, если сунешь голову, — скольз-

кие ракушки и раки, а может, и осетры, забредшие с далёкой Волги по недавно прорытому рабьими руками каналу имени Москвы. Берёзовые рощи спускаются к самому берегу, оставляя узкую полосу песка на Рублёвском пляже — для наших мальчиков, их гитар, их болтовни, ну и для меня. Как-то так вышло, что я оказалась единственной девушкой, приглашённой на шашлык. Были Гена, Финн, Митта и Шукшин, Андрей Тарковский и Андрон Кончаловский, был Том — и я. Наталья отказалась ехать — сказала Гене, что не может видеть, как он пьёт, и в ответ он пообещал: не бойся, я чуть-чуть.

Наташа решила испытать Гену, и Гена провалился. Они снимали славную комнату в арбатской коммуналке, нас с Томом дважды приглашали на колбасу, сыр и минералку. В соседней комнате жили две старушки, уверенные, что Гена получил Нобелевскую премию: он им сам сказал. Когда Гена что-нибудь сморозит, всегда веришь, пока не задумаешься. Старушки не задумывались никогда.

Одно время Гена ежевечерне являлся домой, ужинал с Натальей и писал за письменным столом в полуметре от столика, где работала она. Раз он сказал мне, что перемены нужны постоянно — просто чтобы город, переулок, дом, лестница, дверь, комната (и, думаю, постель) не наскучили. Не то чтоб он хотел от всего этого отказаться — он хотел, чтобы всё оставалось немного странным; не хотел привыкать. Он страдал особым типом ностальгии, лучшим из возможных, я думаю: всё время хотел возвращаться, чтобы заново открывать новизну, жуткую незнакомость знакомых вещей. Ему нужно было отвлекаться от всего повседневного, чтобы по возвращении оно показалось чудом. Он хотел быть вроде Гагарина, взлетевшего в космос, спускающегося в дыму и пламени и ошеломлённого новизной старухи-Земли, шоком от входа в атмосферу. Шок возвращения был источником ежедневных чудес, зыбкой основой счастья. Его любовь держалась на расставаниях.

Но сколько таких радостных возвращений может вынести женщина? Он любил путешествовать, но на какие шиши? Что он мог себе позволить, так это бродить до рассвета в одиночестве. Стучаться в двери разных друзей в самые тёмные часы разных ночей, просясь на любой незанятый диван. Ещё он мог себе позволить бутылку бормотухи. Ежедневный праздник стоит дорого, не всякому по карману.

Кто принёс вино — не знаю. Все отпирались. Я взяла свою гитару, а Гена свою. У Тома была губная гармошка. Андрон принёс мясо; Андрей развёл костёр. Эти двое дружили и соперничали, соревновались в сочинительстве и рыцарстве. Ожидание грядущего величия клубилось над ними, как грозная туча. Том бродил к костру и от костра, собирая хво-

рост. Было солнцестояние; ночь коротка, условились не спать. Андрей рассказывал, как Иван Купала праздновался в старину:

— Мы бы пели, гонялись друг за другом, прыгали сквозь пламя. У тебя на голове, Кира, был бы венок. Про остальное рассказать не могу.

— Не будь ханжой, Андрей, — сказал Андрон, знавший всех актрис Москвы и уверенный, что скоро узнает их ещё лучше. — Дорогая Кира, это была ночь любви. Чистейшая радость, ритуал: сперва он гоняется за тобой, а ты отказываешься. Потом ты бегаешь за ним до самозабвения, до тех пор, пока не примешь самозабвение за ритуал.

Я пощипывала струны.

— Уже слышу старинную балладу:

*Нагой и красный от пощёчин,
В полночный лес бежал Андрон.
Андрон был очень, о-очень
Сексуально озабочен,
А девы погрузились в сон.*

— От пощёчин? — Андрон пожал плечами. — Что же, за всё надо платить.

— Его не так-то легко прогнать, — сказал Андрей. — Андрон вернётся из леса, воняющий диким чесноком и обросший бородой.

Том тихо улыбался, чертя палкой завитушки на песке. Тарковский швырнул в него сухой веткой.

— Наш американец шокирован. Ты слышал про Иванов день, Том?

— В кино видел, — сказал Том. — Мощная сцена. Там был странствующий монах, и женщина его искусала... искусила?

Андрей и Андрон ошеломлённо переглянулись.

— Что за фильм? Где ты мог это видеть? — Как всегда в волнении, Андрей грыз ногти. — Небось что-нибудь дореволюционное?

Том смотрел в огонь, словно пытаясь вспомнить.

— Да неважно. Какой-нибудь учебный ролик в университетской библиотеке. Там есть коллекции. Не волнуйтесь, вряд ли это многие видели.

— Что же нам волноваться? — сказал Андрон. — Волноваться не о чем.

— Я подумал, вы сами придумали что-то такое...

— Как ты догадался?

— Американцы догадливые. Прочёл по лицам, ребята.

— Если это уже было, — сказал Андрей, — мы придумаем иначе.

— Да что вы, парни, — сказал Том испуганно. — Зачем портить сценарий? Оставьте как есть.

Андрей громко прихлопнул комара на щеке.

— Мы ещё думаем, включать ли это в сценарий, — сказал он.

— Обязательно, — сказал Том.

Андрей нервно улыбнулся — точнее, судорожно дёрнул углом рта. Он кинул на Тома быстрый взгляд — нечто между восхищением, приязнью и обидой, — обгрыз ноготь на мизинце, встал, стянул рубашку и, не говоря ни слова, прыгнул в реку. Я посмотрела на Тома и развела руками. Он наклонился ко мне:

— Я знаю про их фильм, — прошептал он. — Это будет классика. Через несколько лет, когда закончат.

Андрей вернулся — ноги облеплены бурными листьями, — сел на бревно, устремил взгляд на Тома и долго не отводил глаз. Гена взял гитару и запел о мальчике, потерявшемся в море, и о матери, которая никогда не устанет ждать. Мы с Томом просили спеть ещё. Он забыл слова, запутался и задумался. Мы не позволяли ему прикоснуться к вину. Я внушала себе, что защищаю Наташу, спасаю их разваливающийся союз. Впрочем, скорее всего, я защищала своё представление о них — сказку о двух прекрасных людях с гениальными головами. Удивительно было, что они вообще сохранялись так долго — она с её ясным взглядом, её трудолюбием и этикой при умении видеть всю гнойную сыпь мира; он с его периодами восторга и горя, с новым отчаянием каждый раз, когда мир оказывался недостойным его распростёртых объятий. Такие люди отчаянно нуждаются друг в друге — и не могут оставаться вместе.

Что же это было за вино? Бутылки без этикеток. Красное, слишком красное, а не лиловое, как обычно. Каждый раз, отбирая бутылку у Геннадия, я подносила её к губам. Как спасти алконавта? — самому всё выпить досуха. Это было какое-то палево, коммунальный винтаж с тошнотворным вишнёвым вкусом. Том спросил, окей ли я, и я заверила, что да. Он поднял брови, костёр отражался в расширенных зрачках. Конечно, он должен был отобрать у меня бутылку или уж в крайнем случае допить её, вызвав на себя демонов Гены, Генину геенну. Тарковский говорил о жестокости, с тягой к которой мы, русские, рождаемся, о волнах убийств от Святополка Окаянного до Петра Великого. Он сказал, что мы сделаны из лучшего материала, но утратили его секрет и впадаем в ярость от бесплодных поисков. Мы смотрим повсюду — и нигде не можем найти разгадку: нам недостаёт воли, которая наполнила бы наш мир духом.

— Ты имеешь в виду душу, — сказал Андрон, — а не дух.

— Дух, — ответил Тарковский. — Если бы я имел в виду душу, я бы так и сказал — «душа».

— Душа — это тёплое, женственное, это русские дрова в русской печке. А дух — мраморный, холодный, греческий. Ты вообще не понимаешь, кто мы.

— Душу-то мы не потеряли, Андрон. Души у нас навалом; она нежна, капризна, полна огня, секса, заунывных песен и материнской любви. Но не она соединяет нас с абсолютом. Это как электрический шнур, который торчит из нас как хвост и молит только, чтобы его снова подключили куда-нибудь. А душа — замкнутая цепь, которая убаюкивает, но ничего не решает. Моя душа. Наша русская душа. Чистый солипсизм. Мы считаем себя образцами любви и продолжаем убивать всех подряд, потому что у них нет нашей души. Дух требует противостоять чему-то, внешнему и внутреннему одновременно, чему-то универсальному, нравится нам это или нет. Мы это утратили, именно это зияние сводит нас с ума. Мы швырнули в грязь что-то абсолютно прекрасное, и всякий раз, как пытаемся навести порядок, делаем только хуже. Мы громоздим одно правило на другое в попытках вести себя прилично, а находим только лазейки. Ничего не выходит, потому что это материальный подход к духовной проблеме. Лазейки не нужны, потому что правил нет.

— Правила нужны, — сказала я, — да только не те. Мы сочиняем правила поведения с государством, правила, которые связывают руки всем, кроме государства, хотя оно и есть главный убийца. — Бутылка в моей руке почти опустела. Откуда, зачем у меня эта бутылка? — Есть только одно правило — не убий. Всё остальное — комментарии.

Андрон удивлённо поднял глаза.

— Но уж, конечно, государству нужна власть для принуждения. Справедливому государству, я хочу сказать, а не преступному. Иначе наступит хаос.

— Наше государство само всегда было агентом хаоса.

Андрон открыл было рот, чтобы ответить, но тут же и закрыл. Мои слова, сказанные вслух, превратили всю нашу компанию в круг, где каждый на завтра мог выбрать либо молчание, либо предательство. Из таких кругов состояла вся страна.

Гена встал, ткнул веткой в костёр, потом отшвырнул её. Искры полетели в тёмное небо.

— Кира — лучший человек на свете, — сказал он. — Я серьёзно. Совсем серьёзно. Ужасная правда — это же красивая штука, согласны? Все согласны. Тогда давайте играть в буриме. Один начинает, другой продолжает сколько захочет. Как в детстве. Кто начнёт?

— Давайте я начну, — сказал Том.

— Нет, — сказала я. — Начну я. — Я в последний раз глотнула вина, взглянула в огонь и заговорила:

—Я.

Я думаю.

Я думаю, что мы должны.

Что мы должны рассказать.

О том, что случилось

С Александром Капланом

И о том, что случилось со мной

Прежде чем моя мать впервые увидела меня

Пока по родным площадям

Грохотали парады товарища Сталина

Это будет о том, что случилось со мной

И кого я любила

Я помню теперь

Я могу говорить

О потерях бывлых

Но от собственного лица

И теперь я всё помню

Поезд

Человеческую нечеловеческую тесноту

Все в поту

Орут дети

Грудь сосут

Гадят визжат на руках матерей

Вижу их матерей, оставивших дома расчёски

И расчёсывающих волосы пятернями

Комья этих волос волчьей шерстью свалявшиеся за тысячу
вёрст пути

И четырёхдневная борода крестьянского комиссара который
нас пересчитывал мальчишка

Не обращал внимания на вонь и смотрел на нас голодными
глазами

Но насиловать стеснялся

Я помню чувство братства сестринства в поезде поезде поезде

Мы не знали кто стоил нашей любви, а кто хотел перервать нам
глотки

А может тот, кто хотел перервать глотки

Как раз и стоил любви

Вдруг в дыры вагона ворвался желанный холодный воздух

Колючий, но благословенный

Тайга катилась мимо ревела вокруг сосна да берёза сосна
да берёза

О Господи Боже берёза сосна?

И церковь в лесах из сосны и берёзы, стоит без гвоздя,
срубленная топорами,

Но кого ты спасаешь, о Господи Боже?

Я не вижу тебя

И не хочу больше видеть церквей.

Вот казармы. Вот койки.

Как близко составлены койки.

И неясно, где кто: политических не отличишь от блатных.

Все блатные и все политические.

Завтра кто-то кого-то убьёт. Кто-то будет убит.

А для Бога мы все одинаковы.

Где твой меч, справедливость, пылающий сталинский меч?

Этот меч — из мечты, так писала я, помню,

В стихах, что никто никогда не прочтёт.

Но ведь ты их прочёл?

Всё ты видишь. И всех. И в такой же бескрайней тайге —

Моего Александра, которого я никогда не увижу

И который меня никогда не увидит

Мы ведь те, из кого ты задумал слепить

Человечество сверхчеловечество сверхбожество

Громоздя миллионы как камни как комья

Мы товарищество шар земной

Доберёмся до солнца

Ты слышишь? Ты видишь?

Чуешь запахи плоти гниющей?

Скажи — это рай?

Это мы спасены?

Может быть, я вернусь

Если только рассеется дым над Россией

Чтоб одних проклинать

А других возлюбить

А в какой половине окажешься ты

Оставляю на твой

Окончательный выбор.

— Так, — сказал Гена. — Кто следующий?

Я расхохоталась. Андрон, Митта и Финн попытались сделать хорошую мину и тоже неуверенно засмеялись. Сибиряк Шукшин угрюмо улыбнулся с таким видом, будто всего этого уже навиделся. Тарковский тёр жёсткую чёрную шевелюру, словно добывая из неё электричество. Гена с бесконечной тоской смотрел в огонь. Том обнял меня, я уткнулась в него, и смех перешёл в рыдание. Я чувствовала тепло его рук и жар огня. Я была чудовищно пьяна, но всё понимала.

Утром я проснулась в кровати Тома. Он лежал на полу слева от меня, уже проснулся. Подошёл и обнял.

— Скажи, это всё правда было? — спросил он.

— Всё было.

2. ТВЁРДЫЙ, ОСЯЗАЕМЫЙ МИР

Я отправилась во ВГИК в понедельник, потом во вторник. В среду и четверг. Никто не смотрел на меня косо. Никто не шептался за спиной. Меня не приглашали в деканат для частных бесед. Никто ничего не приказывал, никто ничего не запрещал. Короче, никто не наступал. Круг оставался замкнутым.

Во вторую пятницу сентября в институте был спецпоказ андреевского диплома, «Каток и скрипка», и короткометражка Андрона «Мальчик и голубь». Это были две современные истории в духе доброй наивности. Мечтатели и практики сосуществовали без намёка на трения, обычно сопровождающие их столкновения в реальности. В обоих случаях главными героями были мальчишки — в силу тех же причин, по каким их выбирали Трюффо и де Сика, и Альберт Ламорис: потому что детям прощается рассеянность; ленивого ребёнка не упрекнёшь в социальном паразитизме; потому что они смотрят на мир снизу вверх и знают, как начальственная шляпа выглядит снизу; потому что они видят нас на фоне неба — и судят и прощают нас исходя из собственных, а не навязанных представлений.

Показ прошёл с успехом, мечтатели и прагматики ВГИКа приветствовали Андрона и Андрея, обнимали и жали руки. Но мы знали, что они давно переросли студенческую жизнь и студенческое кино, а может, и оттепель как таковую. Они только что вернулись с Венецианского кинофестиваля с «Золотыми львами», Андрон за «Мальчика и голубя», Андрей — за свой первый полнометражный фильм «Иваново детство», в котором война выпарила всю наивность из ребёнка-героя. Это была Андреева декларация независимости от мечтательного мира Оттепели, словно истинный художник обязан освободиться даже от освобождения.

Илья КОРМАН

22 СТИХА В ПАМЯТЬ О ЖУРНАЛЕ 22

* * *

Бойтесь, други, суеты
Пуще тлена;
Бойтесь, други, темноты,
Где сирены.

Вы ушной заткните ствол
Ватой волглой,
Вы пишите, други, в стол,
В ящик долгий.

Стиховая кутерьма
Есть не просит;
Долгий ящик не тюрьма,
Только просесть.

* * *

Успеть бы сжаться в гранулу,
В крупицу купоросную,
Когда эпоха грянула
Сыскная и допросная.

Хоть пятнышком обшлаговым
Прожить своё столетие,
Но шествий многофлаговых
Не присягать соцветию.

* * *

Давайте всё же выпьем
За подлецов:
Они в эпоху вбиты
Заподлицо.

Какими нас иными
Ни сотвори,
Тельцами кровяными
Они в крови.

ЛИЦО ГЕНЕРАЛА

Сперва перед ними проплыло лицо генерала
Г. Бёльль, «Где ты был, Адам?»

Сперва перед ними проплыло лицо генерала.
«А где ж твоя свита, лицо?» — «Я без свиты плыву».
И взгляды шеренги лицо генерала вбирало.
Вбирало, чтоб жить? — Нет, вбирать, оседаю в траву.

«Куда же плывёшь ты, лицо?» — «Я — к ружейному залпу.
Отечество бредит повзводно, к нему я плыву.
Всё в корчах оно, вот его ещё только и жалко,
И алый знак доблести держит ещё на плаву.
(Стивен Крейн, «Алый знак доблести»)

К чему эти люди с их аурой незаурядной?
Железной метлою в ошмётки нас всех замели.
Сыграйте побудку моим мертвецам ненаглядным,
Чтоб вышли они вереницей из этой земли.

И сразу сыграйте вторую, чтоб строились в пары.
И пусть зашагают — вот только не знаю, куда.
И пусть приникают и стелются низом пожары,
И мимоидущим пусть честь отдают города».

* * *

Все вокруг — семь пар нечистых,
И потуги их напрасны,
Хоть они себя и числят
По высокому кадастру.

В этой серости кромешной
Я пометил тайным знаком,
Кто тоскует о нездешнем,
Кто радуется об инаком.

Чтоб осилить дух приказный,
Что от века въелся в кости,
Я вытачивал сарказмы
На точиле тихой злости.

И пронзительную притчу
О последнем человеке
Я пересказал по-птичьи
И переложил на ветер.

Ветер — друг моих стараний.
Он постиг мою уловку:
Путевой обходчик ранний
За меня ведёт вербовку.

* * *

Всё ей мнится, что она силу копит,
Что зерно свободы брошено в пашни.
А на деле — курит опий утопий
И, несчастная, заходится в кашле.

* * *

*В 18** году*

В городе N

Две звёздочки, две, два таких симпатичных бельма,
О нет: две пушинки на стебле, подуй — облетели.
Глазницами маски пустотная щурится тьма,
А две, что остались — нет смысла в них в самом-то деле.

Как глупо сидеть в карантине и ждать перемен!
Объехать его на кривой или взять на арапа! —
Скажи, имярек, проживающий в городе N... —
Для крепа и крапа, учитель, для крепа и крапа.

— Но если и впрямь проживаешь ты в городе N,
Чего ты там ждёшь, почитаемый за мизантропа?
И сколь же причудлив (а, может быть, обыкновен)...
— Я глухо задраил ковчег моего хронотопа.

* * *

Рваной ветошью тумана
Он укутан и обложен,
Скрыт под белую нирваной —
Как достать его из ножен?

Притаился перелесок,
Звук не вырвется из ваты.
Встал, укутанный белесым,
Столб — дозорный в маскхалате.

Встал другой как страж разлуки:
Поперёк дороги дальней
Он выбрасывает руку,
Покраснев огнём сигнальным.

Город

Домовых и амбарных *(Речь идёт о книгах)*
Он хранитель и друг
Вседержитель фонарных
Или вольтовых дуг.

Выставляющий ставень
На потеху ветрам —
Приснопамятно славен
Опустелым дворам.

День прошёл не во благо,
Ночь берётся внаймы;
На подходе ватага
Челобитчиков тьмы.

Льётся тьма в котлованы
Как вино в пиалы,
И подъёмные краны
Занимают тылы —

Под вечерние вздохи,
Под цикадный трезвон,
Чередой пророков,
Не вошедших в Канон...

«Я скажу тебе кратко,
 (Голос свыше обращается к уснувшему городу)
Почему ты неправ.

Я сверну тебя в скатку,
Затолкаю в рукав».

Город вздрогнул спросонок,
Сел на все тормоза
И замазкой оконной
Протирает глаза.

* * *

Облака разбрелись по углам своего правожительства,
И луна утвердила вверху циклопический глаз.
И что ищется, то и обря... Отчего же дрожите вы?
Оттого, что не город, а высится странный каркас.

Это кто же тебя напридумал, какая кикимора
Ядовитую лунную жуть расплескала с небес?
Кто тебя надоумил — исчадие, призрак и выморок —
Наборматывать бред кирпича и фанеры в развес?

Вот в таком-то и жить и глотать эти лунные ампулы,
Этот оползень света Атлантом держать на плече
И по крыше крутой восходить восхищённым сомнамбулой —
Вот такому-то я присягнул бы на лунном луче.

* * *

Сколько я видел картинок лубочных и переводных,
И этикеток, и марок, и законных пейзажей,
И разворотов, и фокусов прочих иных, —
Да только что из того! — вот что мне удивительно даже.

Что прикипело к сетчатке? — Всего ничего.
Хоть бы один зацепился какой захудалый образчик!
Царство моё, по всему, не от мира сего —
И ни к чему не даёт прилепиться Верховный Приказчик.

Всё, что я делал — выделял странные па.
Что-то водило и корчило, и вытворяло ужимки.
И никуда-то меня не вела никакая тропа,
Я только падал и дёргался, словно паяц на пружинке.

Где моё царствие? Чахнут мои берега.
Где и когда я сойду с наболевшего круга?
Пусть оглашённые вороны вскрикнут у городского герба,
И мурава фиолетовой станет с испуга.

* * *

Бог с моим народом
Заклучил Завет.
Заклучил с народом,
А со мною — нет.

Даже хлынут воды —
Не возьмёт в ковчег
Своего народа
Боковой побег.

Пусто в нищей кружке,
Видно за версту:
Ушки на макушке,
Брань на вороту.

Без вины обижен,
Сник и промолчал.
Что же: Им не избран,
Но Его избрал.

А на грудь надета
Жёлтая звезда —
Пробный шар Завета
И моя беда.

* * *

Вышли из города тихим кварталом.
Там, нисходя к нашим лицам,
Солнце закатное перебирало
Медеплавильные спицы.

Сим удлинённым перстам указующим
Мы подчинились охотно:
Мы поднялись по ним, как по связующим,
На поднебесную сходку.

* * *

Ходуном ходит вьюшка, напуганы вдрызг домочадцы,
Воет пёс у ворот, ускоряет круги вороньё —
То ли яды эпохи в подземные воды сочатся,
То ли землю трясёт от талантов, зарытых в неё.
Но хоть этак, хоть так, а одна незадача выходит.
Эй, сестрица, скажи: у кого признаться бы ума?
Бойтесь, други, дракона с головой о семнадцатом годе
И дыхания им заражённого социума.

Ухожу на восток. Никому не сыграю побудку.
И о том лишь тревожусь, волхвую, радею, пекусь,
Чтоб вулкан, как старейшина края, раскуривал трубку,
Чтоб над елью завис уссурийской тигрицы прикус.

* * *

Я заборы мурыжил,
С воротами вожжался.
У пройдох и у выжиг
Я ума набирался.

Я взимал спозаранку
С них святые поборы:
Анекдоты и шванки
Городского фольклора.

Я расхристанной кроне
Проповедовал рьяно,
Пыль кружил на перроне,
Целовался с бурьяном.

Подгулявшим калекой
Я в низинах елозил,
Ибо колокол века
Свой язык отморозил.

Владимир ЩИРОВСКИЙ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЙ АРХИВ

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В.Е.Щиrowsкого (1909–1941). Поэт, оказавшийся столь социально чуждым советской власти (он был сыном сенатора), работавший в провинции то сварщиком, то электриком, то попадавший за решётку, погиб в Керчи в 1941 году. Чудом сбереглась небольшая часть его архива.

«В 1941 году немецкий снаряд прямым попаданием разнёс грузовик, где находились эвакуированные из керченского госпиталя раненые, и среди них — так и не дождавшийся признания БОЛЬШОЙ РУССКИЙ ПОЭТ Владимир Щиrowsкий».

Евгений Евтушенко. «Строфы века»

Владимир Щиrowsкий родился 8 (21) июля 1909 года в Москве в семье отставного гражданского губернатора Е.П.Щиrowsкого и его второй жены Софии Эрастовны Ежовой. Из Москвы семья переехала в Харьков, где будущий поэт окончил семилетнюю школу и музыкальное училище.

После окончания семилетки уехал в Ленинград и поступил на факультет языкознания и материальной культуры (Ямфак), однако в ходе «чисток» был отчислен за «сокрытие соцпроисхождения». Некоторое время работал сварщиком на строительстве Балтийского вокзала. Летом 1929 года вместе с женой гостил в Коктебеле у М.Волошина, читал свои стихи, получил поддержку.

В 1931 призван в армию, служил писарем при Харьковском горвоенкомате, ненадолго подвергался аресту. В 1933 году жил в Москве, работал в Институте электросварки. В 1934 году переехал в Керчь, где устроился заведующим художественным радиовещанием и руково-

дителем клубной самодеятельности. В 1936 году снова арестован, был помещён в психбольницу.

Позднее, в 1938 году, он виделся с Ахматовой, Пастернаком и получил от них творческое одобрение.

В июле 1941 года Щиrowsкого призвали в армию, он был тяжело ранен. Погиб под Геническим.

Многие стихи и письма Щиrowsкого утрачены. Впервые уцелевшее наследие Владимира Щиrowsкого опубликовано книгой в 2007 году. Более полное издание с добавлением позднее обнаруженных стихотворений вышло год спустя.

* * *

Вчера я умер, и меня
 Старухи чинно обмывали.
 Потом — толпа, и в душном зале
 Блистали капельки огня.
 И было очень тошно мне
 Взирать на смертный мой декорум,
 Внимать безмерно глупым спорам
 О некой Божеской стране.
 И становился страшным зал
 От пенья, ладана и плача...
 И, если б я бы вам сказал,
 Что смерть свершается иначе...
 Но мчалось солнце, шла весна,
 Звенели деньги, пели люди,
 И отходили от окна,
 Случайно вспомнив о простуде.
 Сквозь запотевшее стекло
 Вбегал апрель крылатой ланью.
 А в это время утекло
 Моё посмертное сознание.
 И друг мой надевал пальто,
 И день был светел, светел, светел...
 И как я перешёл в ничто —
 Никто, конечно, не заметил.

1 января 1941

Кончен день. Котлеты скушаны.
Скучный вечер при дверях.
Что мне песенки Марфушины,
Ногти дам, штаны нерях?

Старый клуб отделан заново —
На концерт бы заглянуть:
Выйдет Галочка Степанова
И станцует что-нибудь.

Дева скачет, гнётся ивою,
Врёт рояль — басы не те.
Человечество шутовское
Крупно шутит в темноте.

И на мерзость мерзость нижется,
И троится мутный ком.
И отверженная ижица
Лезет в азбуку силком.

Но я верю, что не все мы
Терпим боль и борем страх, —
Мотылёк неопишуемый
В сине-розовых лучах.

Чучело седого филина
Не пугается обид,
Но, булавкою пришпилена,
Бабочка ещё дрожит...

Что ж, кончай развоплощение,
Костюмерше крылья сдай.
Это смерть, но тем не менее
Всё-таки дорога в рай.

Выходи в дорогу дальнюю —
Вечер шумен и игрив —
На площадку танцевальную,
Где играет баянист.

1941

СЧАСТЬЕ

Нынче суббота, получка, шабаш.
Отдых во царствии женщин и каш.
Дрогни, гитара! Бутылка, блесни
Милой кометой в немилые дни.
Слышу: ораторы звонко орут
Что-то смешное про волю и труд.
Вижу про вред алкоголя плакат,
Вижу, как девок берут напрокат,
И осязаю кувалду свою...
Граждане! Мы в социальном раю!
Мне не изменит подруга моя.
Чёрный бандит, револьвер затая,
Ночью моим не прельстится пальто.
В кашу мою мне не плюнет никто.
Больше не будет бессмысленных трат,
Грустных поэм и минорных сонат.
Вот оно, счастье: глубоко оно,
Ровное наше счастливое дно.
Выйду-ка я, погрузу на луну,
Пару селёдок потом заверну
В умную о равноправье статью,
Водки хлебну и окно разобью,
Крикну «долой!», захриплю, упаду,
Нос расшибу на классическом льду.
Всю истошу свою бедную прыть —
Чтобы хоть вечер несчастным побыть!

А.Р.

В белых снежинках метелицы, в инее
Падающем, воротник пороша,
Став после смерти безвестной святынею,
Гибко и скромно танцует душа.

Не корифейкой, не гордою примою
В милом балете родимой зимы —
Веет душа дебютанткой незримою,
Райским придатком земной кутерьмы.

Ей, принесённой декабрьскою тучею,
В этом бесплодном немом бытии
Припоминаются разные случаи —
Трудно забыть похождения свои.

Всё — как женилась, шутила и плакала,
Злилась, старела, любила детей.
Бред, лепетанье плохого оракула,
Быта похабней и неба пустей!..

Что перед этой случайной могилою
Ласки, беседы, победы, пиры?
Крепкое Нечто с нездешнею силою
Стукнуло, кинуло в тартарары.

В белом сугробе зияет расселина,
И не припомнить ей скучную быль —
То ли была она где-то расстреляна,
То ли попала под автомобиль...

Надо ль ей было казаться столь тонкою,
К девам неверным спешить под луной,
Чтоб залететь ординарной душонкою
В кордебалет завирuhi ночной!

Нет, и посмертной надежды не брошу я:
Будет Маруся идти из кино —
Мне вместе с предновогодней порошею
В очи её залететь суждено!

УБИЙСТВА, ОБЫСКИ, КОЧЕВЬЯ...

Возник поэт. Идёт он...

Е. Баратынский

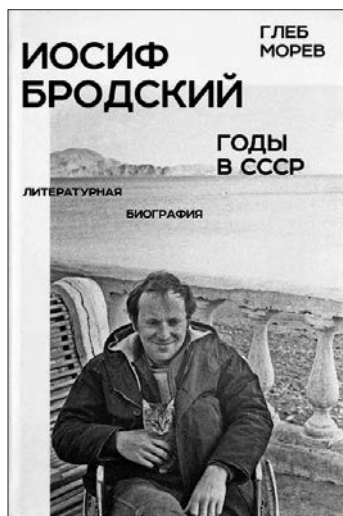
Убийства, обыски, кочевья,
Какой-то труп, какой-то ров,
Заиндепевшие деревья
Каких-то городских садов,
Дымок последней папиросы...
Воспоминания измен...
Светланы пепельные косы,
Цыганские глаза Кармен...
Неистовая свистопляска
Холодных inferнальных лет,
Невнятная девичья ласка...
Всё кончено. Возник поэт.
Вот я бреду прохожих мимо,
А сзади молвлено: чудака...
И это так непоправимо,
Нелепо так, внезапно так.
Постыдное второрождение:
Был человек — а стал поэт.
Отныне незаконной тенью
Спешу я сам себе вослед.
Но бьётся сердце, пухнут ноги...
Стремясь к далёкому огню,
Я как-нибудь споткнусь в дороге
И — сам себя не догоню.

Глеб МОРЕВ

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ГОДЫ В СССР...

В конце прошлого года в московском издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга Глеба Морева «Иосиф Бродский: годы в СССР. Литературная биография».

Эта книга вышла между двух знаковых дат: 85-летия поэта (май 2025) и 30-летия смерти (январь 2026). По поводу этих временных вех писалось в периодике, в литературных журналах, вспоминались замеча-

тельные тексты прежних годов (Лев Лосев, Валентина Полухина), но серьёзных, глубоких новых публикаций не появилось. За исключением удивительной книги, отзыв на которую я публикую сейчас.

На фоне массовой эмиграции из путинской агрессивной страны, увлечёшей в мощный поток лучшие творческие силы, сам собой напрашивается вывод об оскудении выходящей в России художественной литературы. Говоря шире, об исчерпании культурной почвы. В условиях жесточайшей цензуры и опасности для авторов попасть в узилище ничего стоящего внимания на свет не рождается. Речь идёт не только о произведениях, связанных с войной в Украине, но о других сюжетах, требующих от писателей смелости и мужества. О т.н. патриотической литературе и графоманской низкопробной беллетристике типа Донцовой рассуждать бессмысленно и бесполезно — мусор есть мусор. А иное просто отсутствует. Зато та же зарубежная Библиотека Акунина пополняется романами, повестями и документалистикой, написанными переместившимися в основном

в Европу российскими авторами, работающими без цензуры, в свободном пространстве. В том числе теми, кого на родине ожидают реальные лагерные сроки, чьи имена внесены в чёрные списки, а их книги изымаются отовсюду. Здесь, правда, тоже пока шедевров нет, выдерживается дистанция времени — но всё впереди...

Касаемо путинской России, война идёт не только с Украиной, война идёт с русской культурой.

Тем не менее на мрачном фоне нет-нет и возникают яркие мазки. Я имею в виду работы исторические, философские, биографические...И есть издательства, берущиеся за такие неприбыльные книги. Среди единичных выдающихся, на мой взгляд, изданий последнего времени — книга Глеба Морева «Иосиф Бродский: годы в СССР. Литературная биография». Вышла в известном издательстве НЛО.

Автор — филолог и историк культуры, автор работ по поэтике русского модернизма, книг «Диссиденты: Двадцать разговоров» (2016), «Поэт и Царь: Из истории русской культурной мифологии» (2020) и «Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)» (2022). Сейчас живёт в Берлине.

Приведу аннотацию.

Выезд из СССР в 1972 году разделил жизнь и литературную биографию Иосифа Бродского на две автономные части. Книга Глеба Морева посвящена советскому периоду, на который пришлось становление литературной карьеры, формирование социокультурной позиции и этических установок поэта. В центре книги оказываются несколько сюжетов — от замысла побега из СССР на самолёте или знаменитого суда за тунеядство до ссылки в Архангельскую область и выезда за границу. Автор фокусируется на анализе узловых моментов творческого пути поэта и подвергает эти ключевые эпизоды детальной реконструкции и новому осмыслению. Привлекая богатый документальный материал и погружая его в широкий исторический контекст эпохи, Глеб Морев ищет ответ на главный вопрос: в чём заключается неординарность и радикальность литературного и жизненного проекта Иосифа Бродского в 1960–1970 х годах?

Вот как сам автор определяет свою творческую задачу.

Что касается Бродского, то моя работа как раз ограничивается советским периодом, не заходит в область зарубежья. Я пишу литературную биографию Бродского до 1972 года, до момента его выезда из Советского Союза, выезда, который не планировался, который де-

лит его биографию очень чётко на две части, как у Набокова: русские годы, американские годы, — то же самое можно применить и к Бродскому. И это две совершенно отдельные, органически никак не связанные между собой части его биографии, они должны быть описаны, на мой взгляд, отдельно.

Пока я сосредоточился на советском периоде. И действительно, как выяснилось, и в случае Бродского, как до этого, я понял, было и в случае Мандельштама, многие вещи, которые казались уже исследованными, описанными, обговорёнными много раз, оказываются на самом деле недостаточно понятыми, неверно интерпретируемыми или просто недостаточно тщательно описанными.

Вдумайтесь в эти слова — в них ключ к пониманию замысла и воплощения задуманного Моревым. Он ищет, скрупулёзно анализирует, отделяет зёрна от половы, отбрасывает биографические клише — и в итоге находит ответы на многие вопросы, допрежь не прояснённые. Отметим, что архив Бродского с материалами до 1972 года находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, однако значительная его доля в настоящее время закрыта для исследователей решением наследников поэта. Плюс материалы КГБ, в значительной мере тоже «запертые». Морев сумел написать о жизни и творчестве поэта почти исключительно по открытым источникам, изучая малодоступные публикации, сравнивая разночтения, опираясь на многочисленные беседы с близкими и неблизкими друзьями Бродского. Он полагался, как справедливо заметил один из рецензентов, на чутьё и исследовательскую удачу. И итог превзошёл все ожидания — появилась блестящая книга.

До сих пор первая, советская половина жизни Бродского сводилась к нескольким упрощённым моментам: несостоявшаяся попытка угона самолёта; знаменитый фарс-судилище; слова Ахматовой про биографию, которую «делают нашему рыжему»; разрыв поэта с его музой Мариной Басмановой; выдворение из Советского Союза... Морев останавливается на каждом из переломных этапов в судьбе Бродского, подвергая их тщательной ревизии. Своеобразная работа следователя: среди вороха нередко разноречивых фактов, свидетельств, предположений выделить главное, ничего не упустить, ещё и ещё раз оценить на соответствие реальной картине, в итоге найти желаемое.

Повествование разбито на восемь глав. Начинается оно с того, чем по идее должно было закончиться, — первая часть озаглавлена «Побег в Америку». Вот значительный фрагмент главы, позволяющий многое оценить и понять в стилистике книги.

...В августе 1961 года Иосиф Бродский написал рассказ «Вспаханное поле». Шестистраничный (в машинописи) текст представлял собой внутренний монолог героя, готовящегося в одном из среднеазиатских городов СССР вместе с напарником к побегу за границу на советском самолёте, который они должны для этого захватить и угнать.

Восемьдесят минут полёта и тебе уже ничего не останется. <...> Из Нового города в коричневом автобусе приедет напарник и через полчаса тебе уже ничего не останется. Через восемьдесят минут вы заметите жёлтую реку и отметите притоки на карте, если будет светло и не будет тумана; если хватит бензина, кто знает, как они его на рассвете заправят, если его хватит, вы дотянете до дороги, а английский ты, слава богу, знаешь, и через сутки вы будете в Тегеране <...>.

Напарник приедет из Нового города поздно вечером и надо будет собираться на аэродром, четырнадцать дней вы ходили рядом, теперь вы улетите, ничего не останется, потому что нечего оставлять, таких уже больше не будет. Напарник лежит пьяный в подвале <...> но завтра вечером он будет на ногах и побреется в бане и мы сядем в автобус у гостиницы в четырёх километрах от оранжереи на вспаханном поле, и вылезем на аэродроме ночью. <...> Восемьдесят минут полёта, а при попутном афгани и меньше, нисходящие струи с выключенным мотором, спланировать над Аму-Дарьёй. Всё зависит от того, насколько они его на рассвете заправят, дай бог побольше, побольше, а 2300 мы как-нибудь перевалим и сами, если с локаторами всё обойдётся благополучно, но над границей мы, конечно, пойдём очень низко, напарник, он всё это знает.

Фактической основой рассказа стали события, имевшие место на рубеже 1960–1961 годов в Самарканде, где двадцатилетний Бродский и его двадцатисемилетний приятель Олег Шахматов, выпускник Новосибирской военной авиационной школы пилотов, провели несколько недель, планируя угон самолёта в Иран на американскую военную базу в Мешхеде.

В этот период (1957–1961) и Бродский, и Шахматов входили в неформальный молодёжный кружок, группировавшийся в Ленинграде вокруг Александра Уманского, игравшего роль своего рода «гуру» для его членов, практиковавшего йогу и бывшего адептом различных эзотерических учений от теософии до оккультизма. Уманский, по всей видимо-

сти, был в курсе намерений Бродского и Шахматова бежать из СССР (и, во всяком случае, разделял их — по инициативе последнего он написал текст о жизни в Советском Союзе и о коммунистической идеологии в форме письма новому (избранному в ноябре 1960 года) президенту США Джону Кеннеди, а тогдашняя подруга Бродского Ольга Бродович, тоже входившая в круг Уманского, специально перевела этот текст на английский язык, — очевидно, что Шахматов предполагал захватить это обращение к Кеннеди с собой за границу).

Позднейшие воспоминания Бродского, в 1980-х — начале 1990-х годов по крайней мере дважды возвращавшегося к этому сюжету (в разговорах с Соломоном Волковым и Михаилом Мейлахом), написанные вскоре после смерти Бродского воспоминания Шахматова, а также составленная 11 июля 1962 года справка заместителя начальника 2-го отдела ленинградского КГБ П.П.Волкова позволяют в общих чертах реконструировать то, что произошло в Самарканде.

Ключевой для всей истории вопрос о том, кто был инициатором плана угона самолёта и перелёта через границу, для КГБ остался окончательно непрояснённым. Но воспоминания и Бродского, и Шахматова говорят, что инициатором был Бродский. Причём в свете данных о подготовке заранее английского перевода рукописи Уманского, которую предполагалось вывезти таким образом за границу, убедительно выглядит версия о том, что (в отличие от того, что говорят в воспоминаниях оба участника) идея эта родилась не спонтанно «на месте», в Самарканде, а была продумана ещё в Ленинграде, после того как Бродский узнал, что Шахматов имеет специальность военного лётчика. Косвенно это подтверждает в разговоре с Мейлахом сам Бродский, когда неожиданно (как бы вспоминая новые детали по ходу беседы) заявляет, что «эта история началась значительно раньше».

Судя по всему, информация о том, что его новый приятель является обладателем редкой профессии лётчика, актуализировала у Бродского комплекс юношеских идей, о котором несколько лет спустя, в середине 1960-х, при встрече с художником Эдуардом Штейнбергом он будет отзываться как об общем в то время для многих советских молодых людей творческого склада замысле «побега в Америку»..

Всех нас тогда тянуло в сторону Америки, — вспоминал один из ближайших друзей Бродского в СССР Андрей Сергеев. — Вышедшим из-под Сталина казалось, что всему плохому нашему противостоит всё хорошее американское. <...> Появлялось ощущение второй родины — что есть запасная родина.

Ксения ГАМАРНИК

МИРЫ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

*160 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 80 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ
ЗНАМЕНИТОГО ПИСАТЕЛЯ (1866–1946)*

Английского писателя Герберта Джорджа Уэллса называют одним из отцов научной фантастики. Но его произведения возникли не на пустом месте. Исследования, посвящённые научно-фантастической литературе, невероятно запутаны. Литературоведы, поклонники жанра и сами писатели-фантасты придерживаются различных точек зрения, ищут и находят истоки научной фантастики в произведениях разных эпох, начиная с глубокой древности. Одни литературоведы обнаруживают зёрна жанра уже в древних мифах и сказках, другие предлагают вести отсчёт от эпохи Просвещения, третьи — от произведений XIX века.

ПРЕДВЕСТИЯ И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Те, кто ищет ранних предшественников научной фантастики, среди них американский писатель-фантаст Лестер дель Рей, приводят в пример «Эпос о Гильгамеше», созданный в Древней Месопотамии. История эпоса, записанного клинописью на глиняных табличках, начинается с пяти поэм на языке шумеров о Гильгамеше, царе Урука, которые датируются 2100 годом до н.э. Поэмы стали основой объединённого эпоса на аккадском языке. Первая сохранившаяся версия этого эпоса, известная как «древневавилонская», относится к XVIII веку до н.э. И, наконец, позднейшая наиболее полная «вавилонская» версия датируется периодом между XIII и X веками до н.э. и носит заглавие «Тот, кто видит неизведанное». Главная тема «Эпоса» — поиск Гильгамешем бессмертия. Поиском бессмертия или продления жизни часто увлечены учёные в научно-фантастических романах.

Предвестия научной фантастики обнаруживают и в древнеиндийских эпосах «Рамаяна» и «Махабхарата», написанных на санскрите. В «Ра-

маяне» (VII–IV века до н.э.) описываются так называемые «виманы» — иногда они изображаются в виде небесных колесниц, иногда — в виде летающих по небу дворцов (в некоторых случаях — семиэтажных). «Махабхарата» (VIII–III века до н.э.) включает историю о правителе, который отправился на небо, чтобы встретиться с богом творения Брахмой, а вернувшись на землю, обнаружил, что прошло много эпох. Этот сюжет отражает эффект замедления времени в космосе, при условии, что космический полёт будет проходить со скоростью света.

В сказках «Тысячи и одной ночи» (VIII–X века н.э.) есть описание медного всадника, который открывает ворота в город («Повесть о медном городе») и коня из эбенового дерева, летающего по воздуху («Волшебный конь»). В «Сказке об Абд Аллахе земном и Абд Аллахе морском» описывается подводное царство с человекоподобными обитателями. А в сказке «Рассказ о Хасибе и царице змей» персонаж по имени Булукия путешествует по семи невиданным островам на семи невиданных морях — эта история иногда трактуется как метафора путешествий в другие миры, а в медном всаднике и летучем деревянном коне угадываются прообразы будущих роботов и летательных аппаратов.

Древнегреческий, он же позднее древнеримский философ Плутарх (живший в середине I-го — начале II-го века н.э.) обратил свой взор к Луне. Он сочинил трактат «О лике, видимом на диске Луны». Трактат, написанный в виде дискуссии нескольких собеседников, представляет собой сочетание астрономических наблюдений и мифологических верований.

Автор сатирических произведений Лукиан из Самосаты жил во II веке н.э. в Римской империи и писал на древнегреческом языке. В фантастическом романе Лукиана «Икароменипп, или Заоблачный полёт» герой, привязав к рукам птичьи крылья, совершает полёт на Луну. Он смотрит с Луны на Землю и понимает, насколько ничтожны страсти населяющих её людей на фоне Вселенной. Лукиана иногда называют первым писателем-фантастом, а его роман «Правдивая история» — первым научно-фантастическим романом в истории литературы. В нём Лукиан описывает, как его вместе с несколькими путешественниками порывом штормового ветра занесло на Луну. Там они оказываются вовлечены в войну за право покорения Венеры между Эндимионом, повелителем Луны, и Фазтоном, повелителем Солнца. Роман заканчивается ироничными словами Лукиана о том, что «правдивая история» вовсе не была правдивой, и всё в ней является полной и абсолютной ложью.

В эпоху Просвещения первым произведением, посвящённым путешествию на Луну, стала работа немецкого математика и астронома

Иоганна Кеплера. Фантастический рассказ, над идеями которого Кеплер работал десятилетиями, был опубликован через четыре года после смерти учёного. Работа под названием «*Somnium*» — «Сон, или Посмертное сочинение о лунной астрономии» увидела свет в 1634 году. Персонажи Кеплера переносятся на Луну с помощью волшебного духа. Сказочные мотивы — всего лишь обрамление для новаторских рассуждений учёного о топографии и климате Луны и о возможности космических полётов. Американский астроном Карл Саган и американский писатель-фантаст Айзек Азимов называли именно произведение Кеплера первой работой научной фантастики.

Вслед за рассказом Кеплера стали появляться и другие работы, описывающие путешествия на Луну. В книге Фрэнсиса Годвина «Человек на Луне» (1638) герой по имени Доминго Гонсалес попадает на Луну с помощью воздухоплавательной машины, в которую впряжена стая диких лебедей. Обитатели Луны оказываются христианами, которые живут в идеальном обществе. Произведение Годвина называют первой работой научной фантастики на английском языке.

Французский писатель, драматург и философ Сирано де Бержерак (прототип героя пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак») сочинил романную дилогию «Иной свет», которая включает романы «Иной свет, или государства и империи Луны» (1657) и «Иной свет, или государства и империи Солнца» (1662), где описал путешествия на Луну и Солнце, и жизнь тамошних аборигенов.

Английский писатель Даниэль Дефо сопровождал свой сатирический роман «Консолидатор, или Воспоминания о различных сделках в мире на Луне» (1705) указанием, что он переведён с «лунного языка». У Дефо герой оказался на Луне с помощью колесницы, в которую запряжены два фантастических крылатых существа.

Разумеется, «лунная» тема была не единственной. Научные открытия эпохи Просвещения стали плодородной почвой для произведений — предшественников научной фантастики, в том числе, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта (1726) содержат описания других миров; В «Мемуарах двадцатого века» (1733) Сэмюэля Маддена ангел-хранитель передаёт рассказчику документы 1997–1998 годов, предвосхищая книги о путешествиях во времени; в фантастической повести «Микромегас» Вольтера (1752) Землю посещают два космических путешественника с других планет; знаменитый сердцеед Джакомо Казанова в сочинении «Икозамерон или История Эдуарда и Елизаветы, которые провели восемьдесят один год у Мегамикров, исконных обитателей Протокосма внутри нашей планеты» (1788) описал общество в недрах Земли.

В литературе XIX века исследователи также находят мотивы, которые позднее начали использовать писатели-фантасты. Здесь необходимо упомянуть роман английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), в котором молодой учёный Виктор Франкенштейн создаёт человекоподобное чудовище из частей трупов. В книге Шелли соединились черты романтической литературы, мрачного готического романа и научной фантастики. Английский писатель-фантаст Брайан Олдисс назвал «Франкенштейна» первым произведением научной фантастики, поскольку для создания своего монстра учёный использовал научные методы. В романе даже усматривают предвестия трансплантации органов и генной инженерии.

Древние эпосы, произведения Лукиана из Самосаты и Иоганна Кеплера, Фрэнсиса Годвина и Мэри Шелли и других авторов — как видим, поиски точки отсчёта создания «первого» научно-фантастического произведения ведутся постоянно.

ВОПРОСЫ «ОТЦОВСТВА»

Отцами современной научно-фантастической литературы многие исследователи называют Жюль Верна (1828–1905) и Герберта Уэллса.

Жюль Верн был увлечённым популяризатором географических, исторических, технических и научных исследований, которые он талантливо облакал в форму приключенческого романа, или, как называли этот новосозданный жанр в его время — *roman de la science*, то есть, научный роман. Он проводил массу времени в Национальной библиотеке Франции, выписывая данные на карточки, создавая свой собственный архив научной информации.

В начале 1860-х годов Верн познакомился с Пьером-Жюлем Этцелем, известным издателем и редактором журнала. Этцель опубликовал первый роман Верна «Пять недель на воздушном шаре» (1863). После этого Верн согласился писать два или более романов в год для Этцеля, которые выходили в серии «Voyages Extraordinaires» — «Необыкновенные путешествия». С 1863 по 1905 год Верн опубликовал в этой серии 54 романа. Наибольшую популярность завоевали книги «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (или «Из пушки на Луну», 1865), «Двадцать тысяч льё под водой» (1869) и «Вокруг света за восемьдесят дней» (1872). Впрочем, Верн не ограничивался работой для этой серии, всего он написал 65 романов. Над рукописями книг Верн нередко работал во время морских путешествий на собственной парусной яхте.

На закате жизни Жюль Верн смог прочитать произведения Герберта Уэллса. Жившие в разных странах писатели никогда не встречались

и не вели переписку, но Верн дважды, в интервью 1903 и 1904 годов, успел критически высказаться о творчестве Уэллса. В одном из интервью Верн сказал: «Между работами Уэллса и моими нет абсолютно никакого сравнения. В моих романах нет изобретательства, потому что я использую известные законы физики. Уэллс же, наоборот, летит на Марс на воздухоплавательном аппарате, построенном из металла, который нарушает законы гравитации. Но покажите мне этот металл. Пусть он его произведёт» (тут Верн немного напутал, герои Уэллса полетели на Луну).

Сам Уэллс в предисловии к сборнику своих рассказов соглашался с точкой зрения французского писателя и тоже подчёркивал разницу между ними: «Между моими произведениями и произведениями Жюль Верна нет никакого литературного сходства. В то время как Верн почти всегда имеет дело с реальными возможностями изобретений и открытий, моя цель — удерживать читателя с помощью искусства и воображения, а не доказательств и рассуждений».

Юлий Кагарлицкий, советский и российский литературный критик и историк научной фантастики, писал: «Французского писателя Жюль Верна, разумеется с должными оговорками, можно назвать „техническим фантастом“. Он не искал новых научных принципов, а говорил о техническом воплощении старых. Он был представителем той эпохи, когда ньютоновская механика и ряд других созданных в XVIII — начале XIX века отраслей знания дали свои наиболее ощутимые плоды. Уэллс, напротив, двигался в сторону новой науки».

Американский фантаст Рэй Брэдбери в предисловии к «Путешествию к центру Земли» подытожил: «Мы все, так или иначе, дети Жюль Верна».

Кстати, в отличие от «отцовства» Жюль Верна, никто никогда не ставил под сомнение то, что Герберт Уэллс является отцом современной научной фантастики.

Любопытно, что некоторые литературные критики добавляют к именам Верна и Уэллса дополнительные имена «отцов» научной фантастики. Одни добавляют в список имя американского писателя Эдгара Райса Берроуза (1875–1950). Это был необычайно плодовитый автор, сочинивший многочисленные романы и серии книг, в том числе про каменный век и средневековье. Наибольшую известность, благодаря многочисленным (более полусотни) экранизациям получил придуманный Берроузом персонаж по имени Тарзан, воспитанный обезьянами, про которого автор насочинял целых 26 книг. Берроуз также написал серию книг, объединённых в «Марсианский цикл», где американец Джон Картер воюет с марсианами, и серию книг про Пеллюсидар — доистори-

ческий мир с дикарями, динозаврами и саблезубыми тиграми, расположенный в центре Земли.

Другие исследователи считают, что третьим «отцом», кроме Верна и Уэллса, был не Берроуз, а американский писатель, издатель, бизнесмен и изобретатель Хьюго Гернсбек (1884–1967). Именно он в 1915 году придумал термин «научная фантастика», которому дал следующее определение: «Под научной фантастикой я понимаю литературу в духе Жюль Верна и Герберта Уэллса — романтические истории, переплетающиеся с научными фактами и пророческим видением». В 1926 году Гернсбек начал издавать первый в мире массовый журнал научной фантастики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Герберт Уэллс наиболее известен как автор трёх научно-фантастических романов: «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897) и «Война миров» (1898), а также научно-фантастических произведений «Остров доктора Моро» (1896), «Первые люди на Луне» (1901), «Пища богов» (1904) и др., и многочисленных научно-фантастических рассказов. Примечательно, что все они были написаны на раннем этапе литературной карьеры Уэллса, но этим его литературное наследие далеко не исчерпывается. Позднее он увлёкся другими темами. Результатом полувековой писательской карьеры Уэллса стало огромное многотомное наследие — более ста книг: романы, сборники рассказов, а также труды, посвящённые политике, социологии, истории, футурологии, философии.

Выходец из небогатой семьи, Уэллс был вынужден с четырнадцати лет работать подмастерьем. В возрасте восемнадцати лет Уэллсу повезло — он получил стипендию для изучения биологии в лондонском Королевском колледже наук, где одним из профессоров был английский учёный Томас Генри Хаксли. Горячий сторонник теории эволюции, Хаксли даже получил прозвище «дарвинистский бульдог». Так и получилось, что первой книгой Уэллса стал школьный учебник по биологии (1893).

После окончания университета Уэллс зарабатывал на жизнь преподаванием в школах и журналистикой — написанием юмористических очерков и рассказов.

В 1895 году Уэллс арендовал дом в Уокинге, графство Суррей. Он прожил в Уокинге всего полтора года. Этот недолгий период стал, пожалуй, самым продуктивным за всю писа-

Герберт Джордж Уэллс,
1920 год

Обложки книг Герберта Уэллса

тельскую карьеру фантаста — именно там он задумал и написал «Войну миров» и «Машину времени», завершил работу над «Островом доктора Моро», написал и опубликовал сатирический роман «Чудесное посещение» (1895) и книгу «Колёса фортуны» (1896), которую называют первым «бытовым» романом Уэллса, а также начал работу над научно-фантастическим романом «Когда Спящий проснётся» (1899) и реалистическим романом «Любовь и мистер Льюишем» (1900).

Уэллс сочинял свои научно-фантастические романы не ради описания невиданных технологий и событий. За игрой его воображения скрывалась забота о человеке и обществе, которая всё больше проникала в миры его научной фантастики, нередко превращая их в сатиру. В «Машине времени» Уэллс рисует мрачную картину заката человечества. Герой романа, переместившись на 800 тысяч лет в будущее, обнаруживает, что избранные превратились в изнеженных элоев, а потомки пролетариев — в живущих под землёй мутантов, звероподобных каннибалов-морлоков. Он также использовал научную фантастику для того, чтобы предупредить об опасности неконтролируемого технологического прогресса.

Ещё работая над произведениями научной фантастики, Уэллс параллельно начал писать реалистические, бытовые романы о жизни низшего среднего класса, а потом и вовсе отказался от сочинения фантастики. Кроме уже упомянутого сочинения «Любовь и мистер Льюишем», наиболее известны его реалистические романы «Киппс» (1905) и «История господина Полли» (1910). В этих книгах Уэллс с юмором и огромным сочувствием описывал надежды и разочарования клерков, продавцов

и учителей. Благодаря этим трудам, Уэллса сравнивали с Чарльзом Диккенсом.

После 1906 года в творчестве Уэллса возник конфликт между писателем и публицистом. Он охладел и к сочинению реалистической прозы. Поздние романы Уэллса, в основном, представляют собой размышления на социальные и политические темы.

Уэллс был, выражаясь старомодным языком, властителем дум. А нынче его назвали бы модным словом «инфлюенсер» (от англ. influencer — «влияющий»), то есть тот, чьё мнение влияет на мнение многих людей. Ни один другой писатель не смог так ярко передать энергию и оптимизм периода, предшествовавшего Первой мировой войне, чувство освобождения от викторианской чопорности. В научно-популярной книге «Предвосхищения и другие работы» (полное название «Предвосхищения реакции механического и научного прогресса на человеческую жизнь и мышление», 1901) Уэллс размышляет о том, что ждёт человечество в наступившем XX века, затрагивает такие темы, как транспорт, социальные структуры и войны. Автор пытался использовать «научный метод» прогнозирования, экстраполируя развитие средств передвижения на более широкие социальные изменения, такие, как возникновение всемирного государства — одна из его любимых идей. Книга считается основополагающим трудом в области футурологии, хотя некоторые её социальные комментарии, особенно касающиеся расы и евгеники, вызвали критику.

Размышления о будущем Уэллс продолжил в следующей работе «Человечество в процессе становления» (1903) и в философском эссе «Современная утопия» (1905), облечённом в форму утопического романа. Два героя оказываются на планете Утопия, расположенной за Сириусом, где создано всемирное государство, которым управляет орден самураев-интеллектуалов. Современные технологии помогают самураям смягчать социальное неравенство.

Благодаря этим трудам, Уэллс начал восприниматься как ведущий проповедник доктрины социального прогресса. Примерно в это же время он стал активным социалистом и в 1903 году вступил в социалистическую организацию под названием Фабианское общество, хотя вскоре начал критиковать его методы.

В 1902 году Уэллс познакомился с Уинстоном Черчиллем, и, несмотря на идеологические расхождения, поддерживал общение и переписку с ним до самой смерти.

Авторитет Уэллса был столь велик, что он в качестве журналиста встречался и обсуждал вопросы развития общества с четырьмя американскими президентами и двумя советскими лидерами.

Павел ПАНИН

SMOKE ON THE WATER

Историю эту знает каждый — когда-то длинноволосый и худой, с горящими, как у Чарли Мэнсона, глазами — а теперь постаревший, располневший и, самое главное, изрядно полысевший рокер.

В декабре 1971 года на концерте Фрэнка Заппы и его группы «Mothers of Invention» (какой-то особый смысл, наверное, был заложен в это название) в казино швейцарского города Монтрё кто-то¹ пальнул из стартового пистолета в ротанговый потолок зала, пожар охватил здание, казино сгорело дотла.

It died with an awful sound.

То ли по счастливой случайности, то ли стараниями Клода Ноба² — организатора знаменитого местного джазового фестиваля и злосчастного концерта — никто не погиб, но пожар нанёс существенный ущерб, страховой компанией, впрочем, частично возмещённый как владельцам, так и городу: казино — главное предприятие на Ривьере.

Но самое страшное: пожар чуть было не сорвал — и от осознания даже гипотетической возможности этого не-события отчаянье охватывает любого рокера — студийную сессию восходящим звёздам мировой рок-сцены группе «Deer Purple», которые на следующий день в этом же казино должны были записывать альбом «Machine Head», ставший впоследствии самым успешным, иными словами, эпохальным альбомом этих мастеров тяжёлого (по тем временам) рока.

Но нет худа без добра, как говорят в России. Пожар хоть и внёс некий сумбур в начало студийной сессии заслуженного коллектива, зато подарил альбому ещё один трек, вдохновением для которого и послужил дым, выступив в новом для себя амплуа музы, а не обычной причины удушья.

Густой белый дым стелился над чёрной гладью Женевского озера, музыканты смотрели на него из окна гостиницы «Монтрё Палас», а потом

¹ «Some stupid with a flare gun», как в песне поётся. Подозрение пало на загадочного чешского иммигранта Зденека Шпичку.

² Он же «funky Claude», как в той же песне поётся.

явили миру семь нот, которые знает теперь чуть ли не каждый житель на планете: тра-та-та-тра-та-тата — соль, си бемоль, до, соль, си бемоль, ми бемоль, ре: «We all came out to Montreux on the Lake Geneva shoreline...»

Риччи Блэкмор считал, что этот риф отсылает к первым аккордам Пятой симфонии Бетховена.

Стоят ли два этих произведения на одной высоте с точки зрения художественной ценности?

Сложно сказать, но история эта сделала Монтрё — и без того популярный курорт — ещё более популярным. Заветным нотам поставили памятник.

Впрочем, огонь, пылающий в ночи, давно бередил воображение. С древних времён люди сидят и смотрят на мерцающее пламя. Сидя у огня в ночи, наши предки начали рассказывать друг другу истории, говорят, что так родилась литература. Впрочем, довольно скоро кто-то стал стучать в бубен — говорят, что так родилась музыка. Кто-то может сказать, что так родилась рок-музыка — сопровождаемый ритмичным стуком шум возник во всех частях света (с учётом времени суток, правильней было бы сказать тьмы). Уроженец здешних мест Жан-Жак Руссо сказал бы, что это было подлинное искусство чистых душой дикарей. И Фрэнк Заппа с ним, без сомнения, согласился бы. Он, как и Руссо, полагал, что цивилизация испортила человека, включая, по-видимому, самого Руссо, который, пав жертвой корысти, обокрал вдову, которая его содержала, и свалил всё на служанку. Со служанкой при этом он состоял в интимной связи, а оболгал он девушку, по его собственным словам, из лучших побуждений, так как любил её.

Руссо остро занимал вопрос индивидуальной свободы, которую он воспел, не в пример другому уроженцу этих мест Жану Кальвину, который её полностью отрицал. Но Руссо также каким-то образом заключил, что общество должно подавлять стремление к свободе индивида, как и прочие его «естественные склонности».

Эта мысль пришла ему в голову в Париже, куда он сбежал от скандала, и где прижил, следуя своим естественным склонностям, пятерых «дикарей» от какой-то женщины, которая была неграмотна, уродлива и сварлива. Он бросил её вместе с детьми в силу этих а, может быть, каких-то иных причин и уехал в Лондон, где вступил в полемику по вопросу индивидуальной свободы с Томасом Гоббсом³.

³ Ф.Заппа, как и многие другие озабоченные судьбой человечества гуманисты, тоже не обращал на собственных детей особого внимания. Так, его лишённая отеческого внимания 13-летняя дочь в отчаянной попытке привлечь к себе внимание отца подсунула ему под дверь студии записку: «При-

В.И. Ленин, который тоже какое-то время был жителем этих мест (до Монтрё он, впрочем, так и не добрался), как и Руссо, имел несколько странные представления о морали, но был уверен, что лучше всех знает, как решить проблему индивидуальной свободы.

Он, как и Руссо, не видел конфликта между диктатурой общества и интересами отдельной личности, то есть, говоря его же собственными словами, «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет».

Ленин считал, что художник может быть свободным (или *оставаться на свободе* в трактовке его последователей), если будет выражать интересы класса. Неудивительно, что в стране, им основанной, художникам пришлось примерить робы, а когда позже стилистам стали пороть «дудки», а хиппи стричь наголо, это явилось, по сути, смягчением ленинско-сталинской политики и проявлением гуманизма в духе Руссо⁴, но именно в силу этой мягкости злой рок и настиг державу. Держава рухнула.

It died with an awful sound.

Впрочем, Ленин имел все шансы по-тихому кануть в Лету. Хотя отдельные его хиты, такие как «Империализм как высшая стадия капитализма», поднимались на верхние строчки чартов, в целом его политическая карьера к началу 1917 года представляла из себя жалкое зрелище: партия малочисленна, газета закрыта, работы нет и денег нет, жена больна, а лечить не на что — на дешёвый пансион в глухом углу швейцарских Альп (о Ривьере нечего и думать) наскребли с трудом.

Покончив с «Империализмом», всё лето 1916 г. Ленин вышагивал по горам в тяжёлых раздумьях и тяжёлых ботинках, грубо сработанных хозяином их крохотной квартиры в Цюрихе (странный симбиоз буржуазной и сапожника-пролетария). В них же в апреле 1917 года он вышел на площадь у Финляндского вокзала, других у него просто не было. Что он там говорил? Ни колонок, ни усилителей, из спецэффектов только броневики и кепка: да здравствует социалистическая революция! Вперёд к победе социализма, товарищи!

Но вернёмся к благородным дикарям — нашим деклассированным предкам. Что-то подсказывает, что эти чистые душой дети не те люди,

вет, папа! Я твоя дочь, и мне 13 лет». Заппа был тронут и написал об этом песню. Она стала хитом.

⁴ Так, по мнению Н.Хрущева, процесс над Бродским представлял некоторую форму гуманизма: «Суд вёлся, конечно, отвратительно, — сказал первый секретарь, — но пускай скажет спасибо, что посадили за тунеядство. За стишки можно было бы и хлопнуть».

с которыми захочешь столкнуться в тёмной подворотне, но несмотря на крутость нрава, они, в отличие от Ильича, обладали каким-то воображением и поняли, что в огне, не в пример барабану, есть практическая польза.

Сегодня, в эпоху мобильных телефонов мало кто вспомнит, что люди выжили благодаря огню и до сих пор, как и в древности, сидят и смотрят на бледное пламя (Ленин у костра в Тарховке редактирует «Революция и государство») в странной задумчивости.

И тут впадшему в задумчивость — пламя отражается в зрачках тревожным блеском — человеку в голову приходит мысль. Мысль отчаянная, которая не могла прийти в голову Руссо, дикарю или даже Ленину, но кажется неизбежно посещает сознание современного, страдающего неврозом человека. Мысль довольно банальная, а именно — а не спалить ли всё это к ебене фене.

И тут, как по мановению руки волшебника, Альпы вдруг исчезают, и на их месте возникает тёмная, подёрнутая морозом русская степь. На краю степи пылает, широкими языками взмывая в небо, господская усадьба. В одной рубаше, невзирая на мороз, стоит, покачиваясь (чёрный силуэт на ярком фоне), хозяин-барин, смотрит мутным взором, жаль, конечно: и дом, и лошади, и собаки, и бонна-швейцарка, — всё сгорело, а красиво пылает! Знал бы — сам поджёт.

Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!

Мировой пожар — идея, которая давно бережит умы невротиков⁵. Магическая красота есть и в атомном взрыве — предке любого огня во вселенной.

Размахивая ковбойской шляпой, верхом на атомной бомбе летит на матушку-Россию командир американского бомбардировщика полковник Хонг — живое воплощение угрозы НАТО — С.Кубрик задолго до Л. фон Триера понял, что на взмывающий в небо ядерный гриб можно смотреть бесконечно. А чтобы не было сомнений в прелести момента, за кадром звучит красивая музыка:

We'll meet again. Some sunny days.

⁵ Таких, как герой фильма С.Кубрика «Доктор Стрейнджлав» бригадный генерал Джек Д.Риппер или — подлинный персонаж современности, почти по-русски склонный к меланхолии режиссёр Л.Фон Триер, в молодости, кстати, убеждённый коммунист. И «Доктор Стрейнджлав», и «Меланхолия» Триера заканчиваются сценой атомного взрыва и гибелью нашей планеты. К слову сказать, нездоровую страсть к огню испытывал и Фрэнк Заппа, сын химика. Отец музыканта работал над созданием оружия массового поражения. Сынок тоже «химичил» и однажды попытался поджечь школу.

И никаких барабанов⁶.

Но не надо пугать нас бомбами. Угроза имеет смысл только тогда, когда её можно привести в исполнение. И всё-таки этот шум, дым и пламя доставили некоторое беспокойство жителям Монтрё и гостям Ривьеры, которая всегда привлекала богатых беженцев, то есть, тех, кто успел положить что-то в швейцарский банк до того, как стал погорельцем.

Швейцария казалась (да и теперь кажется) идеальным убежищем от любых потрясений. Рельеф — единственное, что подвержено здесь возмущениям: горы в Монтрё берут разбег от самого берега и быстро взмывают, набирая ход, до двух тысяч, ломая привычную для жителей России перспективу.

Русский взгляд не терпит сопротивления, он требует степного простора, пустого горизонта, плоскости, движение вверх даётся ему с трудом, как немолодому человеку подъём по склону.

Но местные жители не замечают подъёмов, как не замечают они и окружающей их красоты горных ландшафтов. Всё это кажется чудом только приезжим, хотя никто не остаётся равнодушным, когда видит, как лунный свет льётся на снежные вершины и, тихо скатившись, исчезает бесследно в глубоких ущельях. Удивительный мягкий климат: практически средиземноморский летом и почти русский зимой — пальмы кутаются в снежные пелерины, каштаны стоят в обнимку с елями, тут же вязы, платаны и кипарисы, на склонах растут берёзы и порхают бабочки!

Удалённость от социальных потрясений и, не забыть, благоприятный, ценимый как честными буржуа, так и жуликами всех мастей налоговый режим.

Ильич так и не понял, что его отъезд из Швейцарии был изгнанием из рая. Ему нужно было принять кальвинизм или, на худой конец, дадаизм. Дадаисты собирались в Цюрихе у него под носом и, кажется, лучше марксистов поняли, что не борьба классов является основной движущей силой развития общества.

Впрочем, определённая абсурдность присуща большинству ленинских работ, не говоря уже о писанине его преемников, о чём Ильич мог бы и догадаться, если бы он начисто не был лишён дара предвиденья.

⁶ Практичные американцы, которые умеют делать деньги на всём, пытались получить доп. доход и от ядерного взрыва. Так, испытания ядерной бомбы в Неваде можно было наблюдать из Лас-Вегаса, что использовали как приманку для туристов, продавая рекламу с «грибочком» и «ядерные» сувениры.

И если бы в феврале 1917 провиденье в виде позже расстрелянного его соратника Бронского⁷ не явило ему вывешенную на набережной Цюрихского (не Женевского) озера газеты (гений всех времён читал худо-бедно по-немецки и вообще имел склонность к языкам, хотя и неглубокую, если судить по его литературным пристрастиям⁸, то он ещё долго бы, возможно, не знал, что в России произошла революция, самодержавие свергли, к власти пришло Временное правительство во главе с социалистом А. Керенским.

Трудно себе представить политика более недалёковидного, чем Ленин, и если какая-то его черта и была искажена его оборотистыми последователями, призвавшими для этой цели целую армию писателей и поэтов⁹, то это была дальновидность, которая в условной таблице искажений (перевёрнутых, как в камере обскура, но выполненных, тем

⁷ Мечислав Бронский, как и многие другие сподвижники вождя, впоследствии был расстрелян. Эта склонность большевиков кончать своих могла бы показаться абсурдной, но на самом деле таковой не является — стремление убирать соратников является логичным следствием заложенных Лениным принципов, правильно понятых и успешно применённых его верными последователями.

⁸ Любимым писателем В.И. Ленина, как известно, был Н. Чернышевский.

⁹ И здесь мы встречаем целый сонм литераторов от Горького и Маяковского до Михалкова и Барто. Перечислить всех — не хватит памяти, но нельзя не вспомнить произведение, которое является хотя и поздним, но, очевидно, одним из самых выдающихся в советской литературе оммажей вождю.

Однажды, став зрелей, из спешной повседневности
мы входим в Мавзолей,
как в кабинет рентгеновский,
вне сплетен и легенд, без шапок, без прикрас,
и Ленин, как рентген, просвечивает нас.
Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин:
«Скажите, Ленин, мы — каких Вы ждали, Ленин?!
Скажите, Ленин, где
победы и пробелы?
Скажите — в суете мы суть не проглядели?...»
Нам часто тяжело. Но солнечно и страстно
прозрачное чело горит лампообразно.
«Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?»
И Ленин
отвечает.
На все вопросы отвечает Ленин.

А. Вознесенский, «Лонжюмо».

не менее, в полном соответствии с принципами социалистического реализма) стоит сразу за добротой¹⁰.

Последователи вождя вместо человека втюхали нам «куклу». Так пятьдесят лет спустя спекулянты на толкучках в идущей верным ленинским курсом стране, забрав у незадачливых покупателей деньги, ловко подсовывали им рваные треники вместо только что продемонстрированных импортных джинсов.

Плохо одетому¹¹ «брюзжащему буржуа», как неточно назвал Ленина кто-то из эмигрантов, в Швейцарии, конечно же, было не место.

Тем более, ему не место было на Ривьере, где хорошо одетые и ненавидимые вождём августейшие особы беспечно отдыхали, наслаждаясь видами.

Но Альпы стояли и будут стоять даже после атомного взрыва, и ледники тогда ещё не таяли с такой скоростью, хотя от бега времени нельзя спрятаться даже в Швейцарии, которая может предложить защиту капитала, но не бессмертие. Швейцарское время течёт медленно, но полностью остановиться не может, в частности, потому что это означало бы прекращение начисления процентов, а это не понравится ни банкирам, ни гостям Ривьеры. Так что время идёт вперёд даже в Швейцарии, и на смену джазу, к которому уже привыкли, пришёл рок. Шума стало больше.

Впрочем, швейцарцы, не хуже американцев, из всего умеют извлечь пользу. Так в Монтрё стараниями Клода Ноба появился знаменитый

¹⁰ О которой рассказывает в книге «Ленин и дети» В.Бонч-Бруевич — один из ранних и самых толковых мифотворцев. Ленин, у которого собственных детей не было, имел мало общего с портретом, но он действительно находил некоторое удовольствие в играх с детьми, и мог, забыв про партийные дела, броситься успокаивать плачущую на улице девочку или ползать на карачках, изображая лошадку для племянников. Он, очевидно, в играх с детьми входил в азарт. Эта ленинская черта, которая должна, в теории, придать образу объёмность, ничего на самом деле не придаёт. Иконический образ плоский, двухмерный, ему не нужна сложность, ему нужна образность.

¹¹ Полное пренебрежение к одежде, воспетое вышеупомянутым сонмом наряду с другими достоинствами и доходящее до дадаистского абсурда, было, в отличие от доброты или дальновидности, подлинной ленинской чертой. Ленин патологически не умел одеваться и в нелепости и неряшливости наряду мог вполне соперничать с героем Ч.Чаплина. Он даже поначалу носил котелок, потом, правда, сменил его на финскую кепку, перепробовав ещё какое-то количество головных уборов, среди которых не было разве что чалмы. Ленин был больше похож на огородное пугало, чем на вождя, или на вождя какого-то племени, кто только что выгодно обменял племенное золото на лохмотья, снятые со средней руки буржуа, который долго болтался в море после кораблекрушения.

джазовый фестиваль, который вскоре превратился в рок-фестиваль, в Монтрё приехали хиппи.

Их появление, впрочем, не особенно встревожило местных жителей. От революции цветов почти никто не пострадал, если не считать беременной жены Романа Полански, которую зарезали в Калифорнии последователи одержимого Чарли Мэнсона.

Полански тяжело переживал потерю, но вскоре также обвинённый в интимной связи с нимфеткой (кажется, с её согласия, впрочем, подростком часто сам не знаешь, чего хочешь), в Швейцарии же и скрылся.

Ещё раньше в соседнем городе Веве поселился также когда-то замеченный в связях с несовершеннолетними немолодой уже Чарли Чаплин. Поводом для бегства стали преследования ФБР, формально под знаком адюльтера и незаконнорождённого (ещё одного) ребёнка, на самом деле, комика травили за левый уклон и симпатии к коммунистам.

Чаплина легко представить в своём фирменном образе спускающимся по пыльной тропинке со стороны соседнего Кларенс в разбитых, грубо сработанных ботинках.

На самом деле, комик явился на автомобиле в очень дорогом костюме и с молодой невестой и купил на Ривьере 35 гектаров.

Невестой была дочь американского драматурга Юджина О'Нила Уна, только что достигшая совершеннолетия красавица. Разница в возрасте составила тридцать шесть лет. Впрочем, несмотря на инспирированные ФБР инсинуации, на этот раз у актёра всё было законно, чего нельзя сказать про малоизвестного тогда ещё Джерома К.Сэлинджера, который ухаживал за Уной, когда ей было шестнадцать. Пока Сэлинджер был на фронте, девушка ушла от него к комику.

Писатель тяжело пережил потерю и позже тоже скрылся на озере. Покинуть родные США он, правда, не стал и поселился в Нью-Хэмпшире, явив миру крайнюю форму эскапизма. Но в глушь, в Нью-Хэмпшир он бежал не из-за уязвлённого самолюбия и не от преследовавшего его всю жизнь воспоминания о сваленных у Кауферлинг — 4-го отделения Дахау — окоченевших трупов, а от обезумевших поклонников Холдена Колфилда и прессы, другими словами, от ещё довольно нового в те времена феномена массовой популярности.

Интересно, что Дэвид Чепмен был не единственным маньяком, который зачитывался «Над пропастью во ржи». Впрочем, в начале 70-х, как показывает этот случай в Монтрё, в кумиров ещё не стреляли, а только пристреливались, в целом, здесь было тихо.

В поисках тишины рядом с Чаплиным в Веве поселился Грэм Грин, известный английский писатель, автор «Третьего человека» и «Силы

и славы», ещё один интеллектуал левых взглядов. Сюда также перебрался, удачно снявшись в Голливуде, потомок Бенуа актёр Питер Устинов.

Каждое лето в Швейцарии отдыхал Сергей Рахманинов. Уехав из России без гроша в кармане, он быстро снискал мировое признание, но тут же стал объектом чрезмерного внимания поклонников и журналистов, к чему оказался, как и Сэлинджер, не готов.

В Монтрё (Кларенсе) жил Игорь Стравинский¹². Здесь по заказу Сергея Дягилева он написал «Весну священную», призвав на тихую Ривьеру шум, свист и пляски наших диких славянских предков.

Стравинский оказал большое влияние на молодого Фрэнка Заппу¹³.

Знал ли русский экспериментатор, чем всё это кончится?

Наивно было полагать, что декадентство породит что-то кроме декадентства, но кто мог представить, что мир сойдёт с ума от рок-н-ролла и станет искать тайный смысл в шуме, оставленном на последней дорожке «Оркестра клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» (какой-то особый смысл, наверное, был заложен в это название)?

Стравинский выпустил джинна из бутылки. Хотя джинн вылез бы и так, кто-то всё равно потёр бы лампу¹⁴. И неудивительно, что идея мира и любви снова явилась в чём-то типа хитона, непонятно, кому и зачем понадобились расклешённые, как брики у русских моряков, джинсы?

Но в Монтрё не так пристально следили за модой, и отсюда могло показаться, что это была тихая революция, которая мелкой волной накатила на беззащитную набережную, и ушла, оставив мелкую лужу. Поэтому, наверное, она и провалилась; настоящая революция должна оставлять не лужи, а моря крови или, как говорил Ленин, всякая революция чего-нибудь стоит, если умеет хорошо убивать.

¹² А до него П.И.Чайковский, а также Жуковский, Гоголь, Л.Толстой, Достоевский и Мандельштам.

¹³ Не только на Заппу. Задолго до этого, живя во Франции, Стравинский дал несколько уроков молодому Яше Гершовицу, более известному миру как Джордж Гершвин. Мэтр тактично поинтересовался, не смущает ли молодого американского «композитора-песенника» размер его гонорара, но, когда узнал, сколько молодой композитор зарабатывает на «песенках», воскликнул: «Пожалуй, я сам бы взял у вас пару уроков!». Эта история, правда, существует в другой версии, где роль Стравинского исполняет Равель.

¹⁴ Интересно, что «потереть» пытались. Так «лампообразный» лик вождя и другие части тела будили воображение не только поэта Вознесенского. Известны несколько случаев, когда психически больные дамы срывали с себя одежды и бросались на закрытую стеклом мумию в Мавзолее в отчаянной попытке соития, впрочем, безуспешно, всё это решительно пресекалось компетентными органами.

Но в Монтрё никто никого не убивал и не звал, как во времена Ж.Кальвина, смотреть на казни. Жители рано ложились спать, и большинство пожар в казино просто проспало, узнав о событии только наутро.

Впрочем, возвращаясь к истории с дымом: не все обстоятельства этого шумного дела оказались выясненными.

Так, например, личность совершившего этот бессмысленный «подвиг», «глупого» или «some stupid with a flare gun», то есть, по всей видимости, чешского иммигранта Зденека Шпички¹⁵, который и дал старт всей этой дымной истории, остаётся невыясненной, как и его дальнейшая судьба.

Зденек, который, по-видимому, и пальнул в потолок казино, а потом исчез из города, да и вообще исчез, растворился без следа то ли с этой, то ли с той стороны железного занавеса.

Остаётся невыясненным также, зачем он, собственно, стрелял.

Выстрел в Монтрё, мы могли бы думать, это дальний родственник залпа «Авроры», возможно, именно таким он Зденеком и задумывался, когда в его не совсем ясном сознании (не нужно было мешать водку с пивом) вместо образа джунглей, который изо всех сил старались призвать в холодную зимнюю ночь «Матери»¹⁶, возник вдруг холодный Петроград. О нём Зденек, возможно, мало что знал, но мог себе представить, стоило вспомнить сырые сумерки на Влтаве.

И действительно, выстрел этот должен был дать толчок какому-то грандиозному событию, перевороту, социальному кульбиту, окончательной победе добра (в этом конкретном случае его олицетворяли «Матери») над злом, которое олицетворял, по всей видимости, Кинг-Конг, а может быть, капитализм, мир потребления, насилия, тирании, жестокости, жадности, пошлости, похоти и далее по списку, — и породил пожар, и шум, и панику, и мог показаться в холодной, декабрьской ночи какому-нибудь экзальтированному кальвинисту началом конца света (или тьмы) и наступлением ада со всеми его атрибутами: огонь, дым, полынь, трубы, — но для остальных, не столь мистически настроенных граждан всё это, как и большинство событий XX века, обернулось лишь временным неудобством, очень скоро ставшим к всеобщей, переходящей в религиозный экстаз радости — удачей, почти благоденствием, поскольку увеличило приток туристов и, соответственно, заработок.

¹⁵ Шпичка — удачей имени для поджигателя в русской редакции не придумать, но что делать с переводом?

¹⁶ Которые исполняли, как известно, композицию «Кинг Конг».

* * *

Нам неизвестно, что творилось в голове у Зденека Шпички, зато нам хорошо известно, что было на уме у Жан-Жака Брамана — немолодого, с большой блестящей лысиной владельца популярного в Монтрё бара.

Так, нам известно, что Браман думал в начале декабря 1971 г. по большей части о деньгах, а именно о том, что придётся нести непредвиденные расходы в связи с ремонтом разбитой витрины, а ведь стекло даже не разбилось, а только обидно треснуло до основания (а затем?) из-за того, что какие-то хиппи, кажется, музыканты, устроили пьяную возню, даже не драку, и ткнули в неё стулом.

По законам жанра, который скорректировал Ч. Чаплин, они должны были этим стулом кого-то огреть, сломать о голову, но они его даже не подняли, а только как-то неудачно свернули, ткнув в стекло. Стекло это после длительной консультации со стекольщиком решено было заменить, что навело Жан-Жака на мысль о необходимости подведения итогов года пораньше в декабре, до Рождества.

И Браман, подбив, как сказали бы в России, бабки, к своему удивлению, обнаружил, что год был не просто неплохим, а настолько хорошим, как никогда ещё не было.

Нельзя сказать, что он этого не ожидал, напротив, именно на что-то такое он, собственно, и рассчитывал, поскольку повышенного наплыва посетителей нельзя было не заметить, как нельзя было не заметить и того, что пить посетители, в особенности, туристы, тоже стали гораздо больше. Старая касса в баре трещала с утра до вечера, с готовностью подставляя своё нутро под упругий ручеёк франков, и этот звон, а не стук барабанов, ласкал далёкий от музыки слух лавочника. Пиво текло рекой, хорошо шли аперитивы, всё большую популярность приобретали коктейли, которые Браман научился кое-как смешивать.

Хиппи хоть и причиняли некоторые неудобства, но они также привлекали внимание, а вместе с ним и посетителей, так что у Жан-Жака, несмотря на неурядицы с витриной, не возникло желания предать этот мир искупительному огню, заведённый на Ривьере порядок вполне устраивал прилежного лавочника. Даже налоги не особо его тяготили, поскольку не всё шло через кассу, что опять-таки давало экономию и приводило Брамана в ещё большее возбуждение.

За всеми этими подсчётами и размышлениями он засиделся в конторке, отпустив дочку, которая, кое-как прибравшись, ушла пораньше. Браман вернулся домой поздно, ужинать не стал, быстро разделся, залез к жене под одеяло и сразу пошёл в решительное наступление и зашёл

в этот раз довольно далеко, несмотря на протесты, которые он, впрочем, удачно подавил, сказав, сколько они, по его подсчётам, в этом году заработали.

Этот ловкий манёвр не просто отвлёк жену, но тоже привёл её в некоторое возбуждение, с супружескими притязаниями мужа, впрочем, никак не связанное, но мысли о том, что можно было бы купить на заработанные деньги, захватили её воображение, и мадам Браман начала о чём-то думать и подсчитывать и так увлеклась, что даже не заметила, как супруг, закончив дела, повернулся на бок. «Думаю, пора сменить автомобиль» — сказал он.

Во время продвижения Брамана к вершинам полового наслаждения, дочь его Лара — молодая, миловидная девушка, не отличающаяся, правда, ни изящной гибкостью, ни грацией, возвращалась домой пустыми улицами Монтрё и испытывала прямо противоположные чувства.

Ранним вечером, оставив отца в баре, она отправилась быстрым, уверенным шагом, которым могут ходить только молодые, полные сил люди, в Кларенс, к подруге по имени Ева Кайзер. Ева позвала её на вечеринку. Вечеринка была приурочена, как сказали бы в советской газете, к проходящему в городе концерту Ф.Заппы. Лара собирались пойти, у неё был билет.

Идея была, по сути, — выпить перед концертом и познакомиться с новыми друзьями Евы.

Музыкой Лара не интересовалась. Ей нравилось, когда в баре звучал Элвис, но современный рок ей казался визгливым, она не понимала, зачем мужчины, отрастив волосы, стали петь высокими, как у кастратов, голосами.

Несмотря на то, что здесь уже выступали Майлз Дэйвис и Сантана, прибытие «Матерей» наделало шума.

В город приехали иностранцы; американцы энергично заказывали выпивку, оставляя в кассе то, что местным, которые видели и августейших особ — королей и дам с их валетами, — казалось целым состоянием.

Музыку Ф.Заппы Лара слышала всего один раз и запомнила, что думала, что у песни будет припев, но не было даже песни, только какой-то шум. В шуме, несомненно, был какой-то смысл, но какой, она сказать не могла, и всё это вместе: и Заппа, и хиппи, и шум, и растущий поток посетителей то ли волновали, то ли раздражали молодую девушку. Она чувствовала, что ей чего-то не хватает, и когда какой-то немец схватил её, что было в те годы обычным делом, в баре за задницу, за что тут же получил заслуженную оплеуху, которую принял с хохотом, Лара, глядя на его тёмно-красную, как отрез кровяной колбасы, рожу, подумала,

подавив отвращение, что она, возможно, была бы не против, если бы он схватил её за задницу снова... и сжал.

В таких смешанных чувствах, характерных для повзрослевшей вдруг девушки, она шла быстрым шагом по городу. А в городе царила та особая тишина, которую не замечают местные жители, но которая часто спускается в небольшие городки зимними, наполненными каминным дымом вечерами. Тишина эта в Монтрё особая, город окружён с одной стороны водой, а с другой камнем, и они как будто ведут за него спор, но в такие вечера заключают что-то вроде перемирия и застывают в холодной неподвижности, каждый погружённый в свои мысли.

В центре, на Гранд Рю крутились хиппи в разноцветных, как у индейцев, одеждах, вызывая умеренное любопытство у местных и не особо пристальное внимание полиции.

Нет работы легче, чем у швейцарских полицейских. Заведённый порядок, как швейцарские часы, всё идёт сам собой, нужно только подкручивать головку отлаженного механизма. Это почти что самоуправление. Полицию в Швейцарии давно бы упразднили, если бы не туристы, но скоро её всё равно упразднят, а за ней и все остальные государственные институты, а затем и само государство.

Это была одна из самых нелепых идей Ильича, которую он со своейственной ему решительностью вывел из теории Маркса и изложил, ничтоже сумняшеся, у костра на берегу озера Разлив (не Женевского) под Петербургом, в Финляндии. Ленин строчил, сидя на пеньке, «Государство и революция», а Зиновьев собирал хворост.

Бедный Ильич! Сколько хвороста перевёл, а всё без толку — государство если и отомрёт, то в Швейцарии, из которой он бежал в plombiroванном вагоне.

Лара быстро добралась пустыми улицами до нужного дома.

Семья Кайзеров была обычной мелкобуржуазной семьёй, они держали гостиницу, к тому же в семье были какие-то доставшиеся по линии жены акции то ли шоколадной, то ли часовой фабрики, которые сильно выросли в цене и которые герр Кайзер частично продал, чтобы, получив концессию города, построить ещё одну гостиницу.

Дом был небольшой, но добротный, с палисадником и садом. Лара поднялась на крыльцо и позвонила, дверь ей открыл незнакомый парень в чём-то типа хитона. Он ничего не спросил, Лара вошла, сняла пальто и прошла в гостиную.

Здесь было накурено. Бутылки вина и пива стояли в беспорядке, посреди стола возвышалась початая «Столичная», рядом был проигрыватель, играла музыка.

Народу было много. Большинство, судя по акценту, иностранцы: немцы, кто-то говорил на английском и ещё на каком-то языке. У незатопленного камина две девушки и парень, изгибаясь, танцевали, в дальнем углу группа молодых людей сидела особняком, юноша с аккуратной бородкой что-то говорил, остальные, не обращая внимания на шум, внимательно его слушали.

Лара не знала, что у Евы столько друзей иностранцев. Впрочем, хотя они и знали друг друга с детства, в последнее время не так часто виделись, Ларе казалось, что Ева изменилась.

Лара ещё раз обвела взглядом комнату, пытаясь оценить масштаб уборки, заметила подругу: Ева сидела на диване между двух рослых парней в расстёгнутых до пояса рубашках. Она приветливо помахала Ларе:

— Привет!

— Привет.

Ева встала, отставив руку с сигаретой, они расцеловались. На Еве была просторная блуза с вышитыми по вороту цветами и крупные бусы. От неё пахло вином.

— Как ты?

Лара хотела что-то ответить, но парень на диване сказал что-то, кажется, грубое, Ева повернулась и засмеялась.

— Родители тебе разрешили? — спросила Лара. Она не знала, что спросить.

— Я не спрашивала, — сказала Ева и затянулась сигаретой.

Парень с дивана снова подал голос.

— Откуда они? — спросила Лара.

— Шведы, — сказала Ева.

— А это кто? — Лара кивнула на молодых людей, которые сидели тесным кругом.

— Чехи, — сказала Ева, — готовят новое восстание.

Лара заметила, как кто-то толкнул стол, опрокинулась бутылка, вино пролилось, Ева не обратила внимания, вернулась на диван. Лара подняла бутылку и, решив вытереть вино, пошла на кухню за тряпкой.

Посреди кухни кружком стояли трое молодых людей — два парня и девушка — и сосредоточенно смотрели, наклонив головы, на руки парня в хитоне. Провозившись с полминуты, тот представил большой, загнутый козьей ножкой косяк. Лара поискала тряпку. Посуда была свалена как попало, в раковине плавали окурки.

Раскурив самокрутку, парень затянулся, задержав дыхание, и передал косяк другому, который сложив руки в кулак, зажал её между пальцами и тоже затянулся.

Кухня заполнилась дымом, запах был удушливый, Лара потянулась к фрамуге, ребята замахали ей:

— Ноу, ноу, ноу... Кип зе смоук! Донт лет ит гоу!

После второго круга парень, набрав полные лёгкие, помахал Ларе, показывая на самокрутку, она только мотнула головой и, глянув в окно, подумала о том, что кто-то может увидеть, что здесь курят наркотики, но окно смотрело в тёмный сад, за садом начинались склоны, виноградники, поля, в те годы ещё не так плотно застроенные, выше — покрытые снегом горы.

Лара взяла тряпку и вышла в гостиную.

Ева целовалась враскоряку на диване, но не с тем парнем, с которым сидела до этого, а с кем-то другим, новый кавалер шарил, не стесняясь, рукой у неё под блузой.

«Грудь он там не найдёт», — подумала Лара и бросила тряпку.

Она решила выпить вина, поискала чистый стакан, но не нашла, увидела, как кто-то потушил сигарету прямо об стол, подумала, что родители всыпят Еве, если узнают, а не узнать они не могли, но Еве, казалось, не было до этого никакого дела. Оторвавшись от парня, она встала и пошла, качнувшись, ещё за одной сигаретой. Закурив, подошла к Ларе, обняла её.

— Тебе в кайф?

— Да, — сказала Лара и постаралась улыбнуться, — ты сможешь сама здесь прибраться? — она не знала, что сказать.

— Я не буду, — Ева махнула рукой.

— А родители?

— Мне всё равно, — она затыкнулась.

— Тебе влетит, — сказала Лара.

— Наплевать.

Ева выпустила дым и стряхнула пепел на пол.

Здесь все курили, не переставая, Лара не знала, чем себя занять. Её никому не представили. Она прошлась по комнате. Попробовала послушать, что говорят ребята в углу, но из-за музыки и шума ничего нельзя было разобрать, к тому же язык был незнакомый.

— Грётци, — сказал, подходя к ней какой-то парень.

— Грётци, — сказала Лара, оборачиваясь.

Одет он был обычно, только глаза странно блестели и пахло как от пивной бочки.

Он сказал что-то, она не поняла на каком языке, возможно, представился.

— Как тебя зовут? — спросил он по-немецки и посмотрел на её грудь.

Лара ответила, добавив что-то по-французски, парень замотал головой.

— Откуда ты? — спросила она, переходя на немецкий.

— Я чех, — сказал он.

— Как те парни? — Лара кивнула на молодых людей в углу.

— Нет, — сказал парень, — это поляки.

— Вы не вместе?

— Нет.

— Почему? — спросила Лара.

— Потому что они радикальные коммунисты, — сказал он.

— А ты? — спросила Лара.

— А мне ***, — он использовал грубое немецкое слово.

Лару удивило, что здесь не было единства взглядов, казалось, что у собравшихся в этом доме должна была быть какая-то общая платформа, хотя трудно было сказать какая.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Живу.

Лара взглянула на него, он на её грудь.

— Но что ты делаешь? — снова спросила она.

— А что нужно делать, чтобы жить? — спросил парень.

— Не знаю... работать?

— Работать? Нет. Я не работаю. Я просто живу.

— Просто живёшь?

— Ну, да. Дышу, курю, ***, — он снова использовал грубое слово, — пью.

— А деньги? — спросила Лара.

— Деньги? Деньги ***, главное делать то, что хочешь.

— А в Чехословакии ты не мог делать то, что хочешь? — спросила она.

— Чехословакия — тюрьма, — он сложил пальцы, показывая прутья, — Советы всех ***, — он снова употребил грубое слово.

— А здесь?

— А здесь можно делать то, что хочешь, и всё ***.

Он использовал другое слово, но Лара не поняла, означало ли оно «хорошо» или «плохо».

— Ты идёшь на концерт? — спросил он.

— Да, — сказала она, — а ты?

— Конечно, «Матери» зажгут в ночи, — сказал парень и снова посмотрел на её грудь. Лара не знала, правильно ли она его понимала, ей было немного не по себе от безумного блеска в его глазах.

Музыка, казалось, стала громче, люди пьянее, трое у камина всё так же изгибались, поляки говорили о чём-то, и все курили.

Лара увидела Еву, которая спускалась со второго этажа, за ней какой-то парень с вислоусыми, какие носили немолодые завсегдатаи в их баре. Лара помахала ей.

— Я хочу пойти на концерт, — сказала она.

— Да, — сказала Ева, — мы все идём.

Все, кажется, хотели идти на концерт, но никто не шёл.

— Пора, — сказала Лара и посмотрела на часы на стене.

— Они стоят, — сказала Ева, посмотрев на Лару, — я тебя люблю, — сказала она вдруг и обняла её, — ты когда-нибудь пробовала травку?

— Нет, — сказала Лара, уклоняясь, — я, наверное, пойду, — сказала она осторожно.

— И я пойду, — сказал чех. Он, кажется, понял, о чём они говорили, хотя они говорили по-французски, к запаху пива добавился запах водки.

— Пойдите вместе, — сказала Ева, — мы вас догоним.

Лара посмотрела на парня. Он на её грудь. От дыма и шума у неё разболелась голова.

— Пойдём, — сказала она.

Они вышли на улицу и пошли к казино по вечернему пустому городу. За спиной стояли покрытые снегом горы, которые были хорошо видны в чёрной, чистой ночи. Лара подумала, что она может встретить кого-то из знакомых или знакомых родителей, но что такого было в том, что она идёт по улице с парнем, к тому же этот был одет в пальто, не в пончо или хитон, и волосы у него были хоть и длинные, но не как у женщин. Лара взглянула на него украдкой.

— Давай, — сказал парень, — ***, — он использовал грубое немецкое слово, — ты когда-нибудь *** в снегу?

Нельзя сказать, что зима была снежная. В городе снег выпадал не каждую зиму, он был выше, в горах, так что было не совсем понятно, о чём парень, собственно, вёл речь, хотя догадаться было несложно, в этот раз он употребил слово правильно.

— Летс мейк лав, — сказал он, — тут, — и остановился.

Его намерение казалось твёрдым, более твёрдым, чем способность держаться на ногах — резко остановившись, он поскользнулся на замёрзших булыжниках и схватил, чтобы удержаться, Лару за плечи, уткнувшись в одно из них. Удержавшись, он решил использовать ситуацию и попытался поцеловать её, к смеси водки и пива добавился запах гнилого зуба.

Лара не была настроена на поцелуй, к тому же она плохо себе представляла соитие на улице и снова подумала о том, что её может кто-то увидеть.

— Дай, — сказал парень по-немецки, — волю чувствам.

Но прежде, чем Лара подумала о том, хочет ли она дать волю чувствам, он дал волю рукам, и, отпустив её плечи, схватился двумя руками за грудь.

— О! — сказал он и добавил что-то на языке, который она не понимала.

Лара отстранилась.

— Нет, — сказала она.

— Как это «нет»? — спросил он, — ви ар фри то ду вот ви вонт.

Он схватил её за зад и стал задира́ть юбку. Она слегка толкнула его, но кажется, не рассчитала, он отлетел, с трудом удерживаясь на скользких булыжниках. Обретя равновесие, посмотрел на неё и достал из кармана пистолет.

Дуло тускло блеснуло в сумерках.

Лара не испугалась.

Может быть, потому что окончание жизни не представлялось ей, как и большинству молодых людей, возможным, а может быть, потому что пистолет с большим дулом был больше похож на какую-то пушку, но каким бы он ни был — парень пистолет на Лару всё-таки навёл и громко сказал по-немецки: «файя!»

Но не выстрелил.

Лара повернулась и пошла прочь, не оборачиваясь, парень так и остался стоять с пистолетом в руке.

У вокзала слонялись хиппи.

— Нужен билет? — спросила Лара двоих парней.

Хиппи оживились.

— Двадцать франков, — сказала Лара.

— Ты что, сестра? — сказал один.

— Берёте? — сказала Лара.

— Так не отдашь? — спросил другой.

Лара повернулась. Ребята стали рыться в карманах, денег у них было мало, кое-как они наскребли несколько франков, она взяла всё, что было, отдала билет. Она вдруг почувствовала, что устала, вечер был промозглый, ей захотелось вернуться поскорее домой и сесть у камина, который вечером обычно разжигал отец.

* * *

Жан-Жак Браман открыл на следующий день заведение с пунктуальностью усердного лавочника, несмотря на стойкий запах гари, которым наполнился город. Но город наполнился и разговорами, а для разговоров нет лучше места, чем барная стойка.

Браман тщательно проверил запасы, убедился, что «Перно» в достатке, так как ничто так не развязывает языки по утрам, как «Перно», хотя зимой также годится грог, глинтвейн, кальвадос, коньяк, гренадин, который, впрочем, не замыкает списка.

Браман придирчиво осмотрел бар, заметил круглое пятно от рюмки, по-видимому, коньяка на стойке. Подумал, что Лара убралась перед уходом кое-как, детям, даже подросткам, нельзя доверять, и тут Браман задумался. Лара выросла, а это означало, что он мог больше на неё полагаться, то есть расширить бизнес, вот только... он стал усиленно тереть медную стойку.

* * *

Запах гари и шум сирен побеспокоили пожилую пару в гостиничном номере на последнем этаже «Монтрё-Паласа». Мужчина уже лежал в постели, жена возилась у высокого старого бюро с бумагами.

— Что там? — спросил он по-русски, неловко, как тюлень, поворачиваясь на кровати.

Женщина — сухая и подвижная с белыми, как лебяжий пух, волосами — пошла посмотреть. С балкона последнего этажа хорошо был виден город.

— Пожар, — сказала она, возвращаясь, но не выказывая особого беспокойства.

— Где? — мужчина приподнялся.

— В центре, всё в дыму.

— Всё в дыму, война в Крыму, — пробурчал он и сел на кровати. Силы, очевидно, были, но двигался он тяжело, мучил радикулит.

— Что горит?

— Кажется, казино.

— Нам ничего не угрожает?

— Думаю, нет. Дым только, но его относит на озеро, посмотри, всё в дыму.

Мужчина махнул рукой. Он плохо спал и теперь ему хотелось взять книгу из высокой, скосившейся стопки на тумбочке у кровати, почитать в постели, как он делал каждый вечер, и поскорее уснуть. Смотреть на дым ему не хотелось.

— Надеюсь, никто не пострадал. Это всё хиппи. Они сожгут, в конце концов, город, — сказал он ворчливо.

— Пожарные уже приехали, — сказала жена.

Мужчина ничего не ответил. Лёг на подушку, надел, устраиваясь, очки:

...Вы, конечно, не агент. Вы — искушение моё, дабы я опустил руки... А я хочу сразаться, — он оживился, — я хочу знать, что существую, иду в контратаку на подонков, развязавших СВО, из-за которой Украина на веки вечные поссорила с Россией! Я хочу заставить всех постигнуть меру падения, раскаяться! Меч карающий я, не щит!

Андрей Белозёров

...Юсеф показался из-за скалы неожиданно. Один из камней угодил ему в бровь. Он схватился за лицо; кровь потекла меж пальцев. Эли шагнул к нему, хотел посмотреть, насколько всё серьёзно, но Юсеф оттолкнул его, выкрикнул что-то резкое на арабском и побежал к деревне. Эли остался стоять, словно это его ударили камнем.

Александр Каро

*Бог с моим народом
Заключил Завет.
Заключил с народом,
А со мною — нет.*

*Даже хлынут воды —
Не возьмёт в ковчег
Своего народа
Боковой побег.*

Илья Корман

...Тарковский говорил о жестокости, с тягой к которой мы, русские, рождаемся, о волнах убийств от Святополка Окаянного до Петра Великого. Он сказал, что мы сделаны из лучшего материала, но утратили его секрет и впадаем в ярость от бесплодных поисков. Мы смотрим повсюду — и нигде не можем найти разгадку: нам недостаёт воли, которая наполнила бы наш мир духом.

Грег Блейк Миллер

...Фактической основой рассказа стали события, имевшие место на рубеже 1960–1961 годов в Самарканде, где двадцатилетний Бродский и его двадцатисемилетний приятель Олег Шахматов, выпускник Новосибирской военной авиационной школы пилотов, провели несколько недель, планируя угон самолёта в Иран на американскую военную базу в Мешхеде.

Давид Гай

...Евреи культивировали разум и знания на протяжении всей своей истории. Высшими авторитетами были не монархи, не богачи, а пророки, талмудисты, учителя. Молодой Соломон был любезен Богу тем, что попросил не власти, не долголетия, а знания и мудрости. Но он же говорил, что в больших знаниях много печали, и что всё суета сует.

Высокий IQ и Нобелевские премии евреев не спасли и не спасают от предубеждений и ненависти. Невежество и мракобесие часто сильнее разума. Убедительные аргументы еврейских интеллектуалов, пытающихся противостоять антисемитам, мало помогают даже на просвещённом, либеральном Западе. Евреи проиграли информационные войны не только на улице, но и в интеллектуальной среде — в университетах, мейнстрим медиа, институтах культуры и политике.

Леонид Гольдин